АЛЕКСАНДР
ВИТКОВСКИЙ
ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ЯДЕРНОЙ ПОЛУНОЧИ
МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Миссия выполнима

Александр Витковский

За пять минут до ядерной полуночи

«ВЕЧЕ»
2017

Витковский А. Д.

За пять минут до ядерной полуночи / А. Д. Витковский — «ВЕЧЕ», 2017 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7078-3

В годы «перезагрузки» отношений между Россией и США спецслужбы обеих стран активизируют сотрудничество по недопущению распространения в мире ядерного оружия. Задача — предотвратить создание атомной бомбы Ираном, который самостоятельно накопил большое количество высокообогащённого урана и как никогда близок к производству смертоносного оружия. Но у российской и американской разведок разный подход к решению иранского ядерного вопроса… Новая книга профессионального журналиста, кандидата психологических наук, преподавателя Академии ФСБ Александра Витковского.

ISBN 978-5-4484-7078-3

© Витковский А. Д., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	5
Вступление. Ядерный апокалипсис – готовность № 1	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Витковский
За пять минут до ядерной полуночи

То, что я сейчас утверждаю, – ложно.
Эвбулид из Милета. Парадокс лжеца

– Но я же сказал правду.
– Да черт с ней, с правдой. Иногда надо и соврать.
Григорий Горин. Тот самый Мюнхгаузен

Если это и неправда, то хорошо придумано.
Антонио Франческо Дони. Миры

От автора

В 1945 году после атомных бомбардировок японских городов Хиросимы и Нагасаки участники Манхэттенского проекта – создатели атомного оружия США – начали издавать «Бюллетень ученых-атомщиков». Через два года на обложке журнала появились «Часы Судного дня». Стрелки этого хронометра аллегорически отражают степень угрозы мировой ядерной войны. Время, когда часовая и минутная стрелки сойдутся на цифре двенадцать, будет означать «Ядерную полночь» – последний час в истории человечества из-за реальной возможности вселенского ядерного апокалипсиса.

Экспертному сообществу ученых, которые на страницах бюллетеня анализируют возможность глобальных угроз в ядерной сфере, можно доверять. Ведь в разное время свои статьи здесь публиковали лауреаты Нобелевской премии Альберт Эйнштейн, Макс Борн, Николай Семенов, Бертран Рассел и другие всемирно признанные корифеи мировой науки, среди которых Роберт Оппенгеймер, Лео Сциллард, Эдвард Теллер.

Ближе всего к роковой полуночи «Часы Судного дня» подошли в конце 1953 года, вслед за тем, как США взорвали на атолле Эниветок первый в мире термоядерный заряд, а через девять с небольшим месяцев СССР испытал первую в мире водородную бомбу. Тогда стрелки не дошли всего две минуты до часа глобальной катастрофы. А дальше всего – на семнадцать минут от ядерного конца света – они отодвинулись в 1991 году, после подписания между СССР и США Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений и окончания холодной войны. Но на рубеже веков стрелки вновь поползли к роковой отметке. В 2012 году, когда началась работа над этой книгой, хронометр показывал без пяти минут полночь. В 2015 году стрелки продвинулись еще на две минуты вперед – 23: 57. Это же время они показывали и в январе 2016 года.

Но где они остановятся в следующий раз?

Вступление. Ядерный апокалипсис – готовность № 1

На сегодняшний день в мире насчитывается девять государств, обладающих ядерным оружием. Это США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Израиль, Пакистан, КНДР. Еще семнадцать стран, среди которых Аргентина, Бразилия, Египет, Республика Корея, ряд европейских стран, в той или иной степени реализуют программы использования и развития мирной атомной энергетики и в случае реальной внешней угрозы способны в кратчайшие сроки разработать и создать собственное атомное оружие. Сейчас в разных странах действуют почти 450 промышленных и около трехсот исследовательских ядерных реакторов. Арифметика проста: один промышленный реактор в тысячу мегаватт способен за год выработать плутоний, необходимый для создания 40–50 ядерных зарядов. Но в мире уже произведено, находится на хранении и стоит на боевом дежурстве от 130 до 150 тысяч ядерных боезарядов различной мощности.

Давно подсчитано, что с помощью средств, затраченных на создание и производство ядерного оружия, можно было бы ликвидировать нищету, голод, болезни, безграмотность и существенно увеличить продолжительность жизни даже в самых захолустных уголках земного шара. Но так уж повелось с незапамятных времен: убить человека гораздо быстрее и легче, чем его родить, накормить, одеть-обуть, воспитать, дать образование и крышу над головой. А потому вся мировая история – это летопись войны, а не мира. Начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры человечество всего 292 года не истребляло друг друга. И с каждым столетием уничтожение себе подобных осуществлялось все более изощренно и массово.

Возрастает опасность захвата ядерных арсеналов террористическими и оппозиционными группировками, которые не станут проявлять излишней щепетильности в вопросах его применения. Первую попытку захвата ядерного боезаряда для использования в политических целях предприняла полвека назад на испытательном полигоне в Сахаре группа правых французских офицеров, не согласных с политикой президента де Голля.

Остро обозначился риск «случайной ядерной войны» в связи с «человеческим фактором». Не стоит забывать и о чрезвычайных происшествиях, которые происходили с ядерным оружием. В частности, на дне залива Вассав Саунд к югу от курортного города Тайби-Айленд (США, штат Джорджия) до сих пор не найдена водородная бомба Mark-15, которая была аварийно сброшена 5 февраля 1958 года бомбардировщиком B-47 после столкновения с истребителем F-86.

Остается актуальной проблема испытаний и размещения ядерного оружия в космосе, где уже насчитывается порядка тысячи спутников, в том числе военного и двойного назначения, принадлежащих более чем 60 странам. А в секретных лабораториях передовых технологических держав проводятся исследования по созданию еще более совершенного и разрушительного оружия и средств их доставки. При этом ни одно государство в мире никогда публично не признается в осуществлении таких разработок.

Практически любая из этих ситуаций чревата неконтролируемым перерастанием в локальный, а при наихудшем стечении обстоятельств – и в мировой ядерный конфликт, в котором не будет победителя. По мнению многих экспертов, в случае тотальной кризисной ситуации (всеобщей ядерной войны) накопленные мировые запасы ядерного оружия способны вызвать эффект «Машины Судного дня» и как следствие – гарантированное взаимное уничтожение. При этом даже гипотетическая возможность сохранения самой примитивной формы цивилизованной жизни будет близка к нулю.

Пока еще миру удается сдерживать ядерный смерч, но, если он выйдет из-под контроля, погибнут все. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, взрыв на Чернобыльской АЭС в 1986-м, авария на Фукусиме-1 в 2011 году покажутся лишь незначительными эпизодами, легким облачком испуга на фоне этого вселенского апокалипсиса.

Где и когда это произойдет – неведомо никому. Однако риск чрезвычайно велик.

Глава 1
Тихие профессионалы

Неброская, но прекрасно ухоженная и натюнингованная серая «ауди» шестой модели с рядовым госномером бесшумно катила по Новинскому бульвару столицы в сторону американского посольства, пробиваясь сквозь удушливый смог выхлопных газов тысяч автомобилей и горящих в Подмосковье торфяников. Такие машины в СВР – Службе внешней разведки России – использовались в тех ситуациях, когда не нужно привлекать ничьего постороннего внимания к проводимой встрече. Резко притормозив, она свернула направо, прямо к посольским воротам, которые тут же открылись, и, не останавливаясь, въехала во внутренний двор, завершив достаточно долгий, не без петляний и стояний в пробках, путь из Ясенева – штаб-квартиры российской внешней разведки. На крыльце, у входа в здание, посетителя ожидал представитель дипломатического корпуса США. Улыбаясь, он поздоровался с пожилым мужчиной, неторопливо вышедшим из «ауди». Затем без всяких охранно-бюрократических формальностей провел его к лифту. Вскоре они подошли к комнате для переговоров. Попрощавшись почтительным кивком и милой, на всю жизнь вырезанной под носом улыбкой, дипломат оставил гостя одного.

Окинув комнату внимательно-оценивающим, все примечающим взглядом, мужчина сел в кресло, продолжая осматривать интерьер.

На первый взгляд это была обычная переговорная. Стол, по форме – баранка «челночок», с изысканной цветочной композицией на полу в центре, и эргономичные, но без лишних хайтековских наворотов офисные кресла по его внешнему периметру. Деловитость стиля подчеркивал огромный плазменный экран на торцевой стене у входа. Яркий, но не режущий глаза свет струился со всей поверхности потолка, и поэтому абсолютно не ощущались замкнутость и ограниченность пространства, так присущие даже просторным, но не имеющим окон помещениям. Да, именно отсутствие окон могло бы сделать переговорную похожей на склеп, но общее убранство помещения не сковывало и не давило, а создавало в зоне замкнутого простора приятную и вместе с тем рабочую обстановку. Здесь, за контуром системы безопасности, спотыкалось и останавливалось время, о деловитую тишину разбивались суета и гул большого города, и только постоянное движение конфиденциальных сведений, информации из тайных досье, секретных цифр и фактов выстраивалось в точно выверенные политические решения, которые принимались в результате активного брейнсторминга, а зачастую и в пылу напряженного полемического азарта.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина по возрасту несколько старше средних лет. Несмотря на изрядную седину подстриженных и аккуратно уложенных волнистых волос, остроту и сухость черт, в загорелом лице дипломата не было и намека на близящуюся осень жизни. Лишь поблекшие, обесцвеченные временем и постоянным напряжением голубые глаза человека, много видевшего, знавшего и испытавшего, не вязались с его широкой – до открытых десен, – а потому и несколько неестественной улыбкой, элегантностью движений, отточенной лаконичностью жестов и утонченно-легкой, несколько фамильярной раскованностью манер. Его сухощавость была сродни тростниковой стройности и прозрачной хрупкости топ-моделей, демонстрирующих на мировых подиумах экстравагантные наряды лучших кутюрье. Джону Стоуну, так звали дипломата, было пятьдесят с изрядным хвостом, но американская ухоженность, привычка с детства заниматься спортом, соблюдать диету и следить за своим здоровьем, а также не без изящества сшитый светлый легкий костюм делали его лет на десять моложе.

Вопреки принятым нормам и протоколу проведения важных деловых встреч, когда в обсуждении участвуют несколько человек с каждой стороны, американец был один. В одиночестве приехал в посольство США и гость – первый заместитель директора Службы внешней разведки генерал-лейтенант Николай Гарушкин, выше среднего роста, плотный, слегка раздобревший в животе, изрядно полысевший. В официальном темно-сером со сверкающим стальным отливом и глухо застегнутом на все пуговицы костюме, полосатом, в тон голубой рубашке, затянутом под самую шею большим узлом галстуке, он был чуть старше собеседника и являл собой апофеоз академичной строгости и сдержанности протокольного стиля. С плюсовыми диоптриями очки в темно-серой оправе заметно увеличивали его и без того большие глаза. Этот открытый взгляд располагал к общению, но далеко не каждому собеседнику удавалось заглянуть в это увеличенное линзами зазеркалье души и уж тем более увидеть и понять то, что таится в глубинах его отражения. А сам Николай Константинович внимательно смотрел сквозь увеличительные стекла на окружающий мир спокойным проницательным взором ученого-исследователя, постоянно анализирующего ситуацию и мгновенно улавливающего логику и закономерности всех хитросплетений бытия.

– Доброе утро, – американец уверенно прошел навстречу поднявшемуся из-за стола Гарушкину и протянул руку. – Позвольте представиться. Меня зовут Джон Стоун. Я – руководитель посольской резидентуры Центрального разведывательного управления США в Москве.

Наверное, впервые за все время пребывания в этой деликатной должности Джон представился человеку, которого видел в первый раз, да еще и российскому разведчику таким образом. Но это была заранее заготовленная фраза, и, не уделяя большого внимания тому, какой эффект она произведет на гостя, он тут же продолжил:

– Как будем общаться, на русском или английском?

– Доброе утро, – ответил гость, спокойно и крепко пожимая протянутую ему руку. – Я – Николай Гарушкин, первый заместитель директора Службы внешней разведки. А что касается языка, мне абсолютно все равно. Как вам удобнее.

– Тогда, Николай Константинович, извините, я не ошибся в отчестве?

– Нет-нет, все правильно.

– Тогда, Николай Константинович, давайте на русском. Не буду упускать возможности тренинга и… поговорить в России с русским человеком на русском языке.

– Далеко не каждый русский знает свой родной язык так, как знаете его вы. Долго учили?

Это не был дежурный комплимент, который принято говорить в первые минуты знакомства, чтобы расположить к себе собеседника. Американец, действительно, очень хорошо знал язык, обладал огромным лексическим запасом, грамматически правильно, едва ли не хрестоматийно, строил фразы и даже без особого труда выговаривал падежные окончания. Лишь едва уловимый акцент, легкой тенью сопровождавший его произношение, да нередкое использование английских слов, впрочем, уже ставших привычными для русского уха, выдавали в нем иностранца.

– О, это целая история, – продолжая широко улыбаться, ответил дипломат. – Все благодаря вашему Льву Толстому и моей русской няньке, которая пересказала мне «Войну и мир». Позднее я дважды прочел этот гениальный роман. Сначала на английском, затем на русском.

– У вас были хорошие учителя.

– Да, это так. Прошу, садитесь, пожалуйста, – дипломат жестом указал на кресло. – Николай Константинович, думаю, мы сможем поговорить без особых церемоний и… притворства. Заочно мы уже наверняка давно знакомы, и я думаю, что вы знаете обо мне не меньше, а может быть, и больше, чем я о вас.

– Да уж… – усмехнулся собеседник. – Что есть – то есть…

Открытость и откровенность американца располагали к общению, тем более что они – два «тихих профессионала» крупнейших в мире разведслужб – и вправду, не просто хорошо знали, а детально изучили друг друга по оперативным сводкам, агентурным сообщениям, материалам технического контроля, аналитическим справкам. И речь шла не только о биографии, деловых качествах и увлечениях, сильных и слабых сторонах личности, особенностях характера. Лет двадцать, а то и тридцать назад, с того самого времени, как Джон Стоун начал работать рядовым сотрудником разведрезидентуры США под крышей третьего секретаря посольства своей страны еще в коммунистической Чехословакии, а Николай Гарушкин руководил одним из отделов внешней контрразведки Первого главного управления (разведка) КГБ СССР, они, не будучи знакомы лично, среди прочих сотрудников спецслужб главного противника, проявили взаимный оперативный интерес. Когда оба заматерели в своей специфической работе, продвинулись в должностях и званиях, достигли солидного положения в структурной иерархии своих постоянно враждующих ведомств, оперативное внимание друг к другу стало пристальным и детальным изучением. А поскольку знать врага, особенно руководителей первого уровня, нужно досконально, то и взаимный интерес достиг апогея. Свою линию в работе по изучению руководителя посольской резидентуры США также вела и российская контрразведка – Федеральная служба безопасности, которая постоянно информировала своих коллег из СВР о новых материалах, полученных в отношении действующих в Москве американских разведчиках и их шефе.

Прежде чем перейти к делу, неписаный ритуал общения впервые встретившихся людей предполагал ни к чему не обязывающий диалог на дежурную, весьма общую и взаимоинтересную тему. В данной ситуации обошлось без банальностей «о московской погоде». И так уж получилось, что два увлеченных своей работой разведчика, пусть даже из некогда смертельно враждующих социально-политических систем, но которым сейчас не нужно было скрывать друг от друга свое ремесло, не смогли удержаться и не заговорить «о своем, о девичьем». Впрочем, несмотря на всю непринужденную раскованность многословного общения и заявленную «перезагрузку» политических отношений между двумя странами, не было сказано ничего лишнего, что могло бы нанести даже незначительный ущерб нынешней оперативной деятельности. За внешней свободой, открытостью и легкостью светского разговора тщательно взвешивалось и анализировалось каждое сказанное и услышанное слово. Старательно маскируемая подозрительность была глубоко спрятана в сознании каждого, и недоверие куском льда поначалу сковывало искренность общения. Вместе с тем начало беседы неизменно было и неким тестом, в котором участники словно проверяли на практике свои заочные знания друг о друге, а сложившиеся по документам образы, впечатления и ожидания сравнивали с реальным человеком.

Как и положено хозяину, инициативу взял на себя Джон.

– Это святая святых посольства, – объяснил он, улавливая взгляд гостя, который тот не без интереса переводил время от времени со своего собеседника на детали зала, в котором они находились. – Переговорная комната, дженерал стафф, ситуационный центр – называйте, как хотите. В прямом и переносном смысле она со всех сторон полностью отрезана от внешнего мира толстыми стенами и техническим обеспечением. Зал расположен в центре здания, чтобы исключить любую попытку съема информации извне – с улиц, крыши и даже фундамента. В общем, самые важные встречи и принятие наиболее ответственных решений происходят именно здесь.

«Да уж, наслышан, – подумал про себя Гарушкин, – особенно после того, как Вадим Бакатин, последний председатель КГБ и первый руководитель новой спецслужбы – МСБ СССР, – с санкции политического руководства страны передал в знак «доброй воли» послу США в СССР Роберту Страусу всю техническую документацию сверхсекретной системы прослушки нового здания американского посольства», – но вслух поинтересовался:

– А разве не в кабинете посла?

– Нет-нет… После того как в конце пятидесятых-начале шестидесятых годов, не помню точно, вы сумели внедрить микрофон в государственный герб США, который висел на стене, прямо над рабочим креслом посла, мы приняли все меры к тому, чтобы исключить подобные эксцессы.

– Ну, это для вас эксцесс, казус, называйте, как хотите. Для нас это был успех, филигранно проведенное мероприятие. – Николай Константинович вспомнил, как еще молодым сотрудником органов госбезопасности с восхищением читал секретную спецлитературу о проведении этой уникальной операции, а потом даже встречался с некоторыми ее участниками.

– Честно говоря, мы особо и не рассчитывали, что герб США с вмонтированным подслушивающим устройством посол распорядиться повесить в собственном кабинете, – продолжил Гарушкин. Разведчик не смог отказать себе в удовольствии слегка погладить против шерсти американского коллегу, испытывая при этом гордость былыми победами своего ведомства, которое в те годы еще весомо и значимо называлось КГБ СССР.

– Мне рассказывали ветераны из нашей службы безопасности, что этот герб был чуть ли не произведением искусства, – ничуть не смущаясь щекотливой темы, продолжал американец.

– Да уж, действительно, тонкая ручная работа. Говорят, ваш посол был в восторге.

– Да, я тоже об этом слышал. А как вы его внедрили?

– На каком-то торжественном приеме его вручили Страусу наши пионеры. Так сказать, сувенир «в знак дружбы между двумя народами и государствами». А как вы обнаружили эту закладку?

– Весьма неожиданно. Во время отпуска посла проводили ремонт в его кабинете и совершенно случайно уронили ваш подарок. Герб упал на пол, раскололся, и из него вывалился микрофон.

– Представляю, каким это оказалось для вас шоком…

Джон помолчал и, улыбаясь с чувством легкой досады и сожаления о давнишнем проколе своей службы, развел руками: дескать, что уж теперь сделаешь… Нужно было помнить старую мудрость о данайцах, дары приносящих.

– Надеюсь, что сейчас в этой комнате ваших прослушек нет, – пошутил он. – Но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что вы – первый сотрудник российской спецслужбы, который переступил порог этого кабинета.

Гарушкин понял, что время общих разговоров подходит к концу и сейчас речь пойдет о главном – то есть о том, ради чего он получил строго конфиденциальное приглашение не просто в американское посольство, а в его святую святых – самую засекреченную, недоступную и охраняемую часть.

– Вас наверняка удивила наша конфиденциальная просьба, обращенная лично шефу СВР, направить к нам одного из первых руководителей российской разведки, облеченного доверием и полномочиями вести чрезвычайно секретный, ответственный и важный диалог, а также принимать решения, от которых, скажу абсолютно не преувеличивая, будет зависеть будущее не только наших стран, но и значительной части мирового сообщества, – Джон Стоун перешел к главному.

Николай Гарушкин несколько напрягся. Уж чего-чего, а пафосных ноток он никак не ожидал уловить в речи представителя ЦРУ – весьма прагматичного и циничного в своей работе ведомства. Продолжая внимательно слушать, он механически расстегнул пиджак. Да, от своего шефа – директора Службы внешней разведки – он знал, что его из ряда вон выходящий визит в посольство США, да еще и в таком необычном формате (один на один с руководителем посольской резидентуры ЦРУ), одобрен не просто политическим руководством

страны, а первым лицом государства. Знал он и о чрезвычайной важности и секретности запланированной встречи, и о предмете предстоящего разговора, но не был в курсе главного (мог лишь только догадываться) – о чем конкретно пойдет речь.

– Не скрою, – продолжал тем временем Джон, – я рад, что не ошибся в своих предположениях по поводу того, что руководитель вашей службы направил для выполнения этого чрезвычайного поручения именно вас.

– Благодарю за доверие, – с легкой тенью иронии произнес Гарушкин. Ему по жизни всегда не нравилось, когда американская разведка оказывалась права в своих предположениях и прогнозах, даже по мелочам.

– Прежде всего хочу подчеркнуть, что президент моей страны Соединенных Штатов Америки («Опять этот пафос», – вновь отметил Гарушкин) и вашего государства чрезвычайно озабочены проблемой, о которой мы сейчас будем говорить, и крайне заинтересованы в ее кардинальном решении. Это важно не только с точки зрения благополучия и безопасности всего Ближневосточного региона, а возможно, и всего мира.

Российский гость внимательно слушал американского коллегу. Он умышленно взял долгую паузу и теперь, как учил классик русского драматического театра Константин Сергеевич Станиславский, выдерживал ее, вынуждая тем самым говорить своего собеседника.

– Речь идет об Иране и его атомной программе, которая из мирной все более становится военной. Все наши дипломатические попытки и международные инициативы, направленные на прекращение этой опасной деятельности, либо блокировались руководством Тегерана, либо затягивались и в конечном итоге становились безрезультатными.

Теперь паузу взял Джон и своими водянистыми глазами внимательно посмотрел на русского собеседника, ожидая его вербальной реакции. Гарушкину даже показалось, что его коллега по секретному ремеслу ждет от него каких-либо разъяснений о российском участии в иранских атомных проектах. Но по этому поводу уже все было сказано политиками и руководителями Министерства по атомной энергетике России, и ему, как представителю спецслужб, в данной ситуации добавить было нечего. Поэтому он спокойно выдержал взгляд американца и остался нем как рыба, хотя и несколько подался вперед, всем своим видом демонстрируя явную заинтересованность в продолжении прерванной собеседником речи.

– Так вот, – не дождавшись ответа, продолжил Джон, – мы имеем достоверную информацию, что буквально в ближайшие недели, именно недели, а не месяцы и годы, Иран вплотную подойдет к завершающей фазе создания собственного ядерного оружия. Представляете, что это такое – атомная бомба в распоряжении изгоя – одиозного и неконтролируемого политического режима с мракобесами-лидерами?

Он опять замолчал. И в данной ситуации, когда был задан хоть и риторический, обращенный в пространство вопрос, Гарушкин уже не мог отделаться многозначительным молчанием, ведь кроме него у американца не было собеседников в этой комнате.

– Да, у нас тоже есть аналогичная информация. Но, насколько нам известно, конечный результат весьма и весьма проблематичен. К тому же режим аятоллы Хаменеи и президента Ахмадинежада не собирается использовать это оружие против кого бы то ни было. Оно должно играть роль сдерживающего фактора. Согласитесь, им есть кого опасаться в пределах своего географического региона. И это не только Израиль. Военно-политическая конфронтация между этими двумя странами просто зашкаливает…

– Вот-вот, именно Израиль, – подхватил горячую тему американец. – Судя по полученной МОссадом разведывательной информации, в политических и военных кругах Ирана уже активно обсуждается план нанесения превентивного ядерного удара по Израилю. Представляете, что за этим может последовать?

– От обсуждения до принятия решения дистанция огромного размера. – Этой общей фразой гость выразил свое сомнение в достоверности разведсведений, полученных Израи-

лем, и постарался уйти от их оперативной и политической оценки. – Да к тому же и бомбы у Тегерана еще нет. Конечно, глава Ирана Хаменеи и особенно президент Ахмадинежад уже не раз публично заявляли о своих враждебных намерениях в отношении израильтян. Но вы же прекрасно понимаете, в большой игре не всегда стоит доверять громким высказываниям политиков, да еще и рассчитанным на публику.

– Такие заявления не делаются просто так…

– Конечно. Но нужна достоверная и объективная информация, к тому же не единожды проверенная и перепроверенная. В таких вещах не стоит ошибаться. Вспомните, какой был скандал после нападения США на Ирак и тщетных поисков военных ядерных объектов на территории этой страны. Лабораторий по промышленному производству химического и бактериологического оружия массового поражения там тоже не нашли.

Об Ираке Гарушкин вспомнил не для того, чтобы лишний раз подковырнуть своего визави по разведывательной деятельности. Он прекрасно помнил, что аналогичная проблема – будто бы имевшие место военные ядерные центры и предприятия по производству оружия массового уничтожения в Ираке – были лишь искусственно созданным поводом для начала войны, главная цель которой – уничтожение диктатора Саддама Хусейна и его правительства, заподозренных в связях с террористической организацией «Аль-Каидой». После трагедии 11 сентября политическому руководству США во что бы то ни стало нужно было выявить и покарать виновного в этом злодеянии. Когда же casus belli был найден и озвучен, тут же, даже без санкции Совета Безопасности ООН, начались полномасштабные боевые действия под громким названием «Иракская свобода» – сначала мощная авиабомбардировка и практически сразу наземное вторжение силами пяти американских и английских дивизий. Позднее, после получения мандата ООН, в Ирак прибыли войска стран международной коалиции. За время конфликта с обеих враждующих сторон погибли (и продолжают гибнуть сейчас) люди, в основном мирное население Ирака.

Международный скандал по этому поводу не утих до сих пор, хотя прошло уже несколько лет, а расследование комиссии американского конгресса доставило много досадных переживаний и мучительных волнений не только директорату ЦРУ (глава этого ведомства Джордж Тенет был вынужден подать в отставку), но и первым лицам страны, принимавшим решение о начале боевых действий за тысячи километров от США.

Похоже, ситуация повторялась. На сей раз с Ираном. Ну что ж, пусть американцы на пару с Израилем и решают эту проблему. Россия не должна наступать на те грабли, на которые уже наступили другие. Впрочем, это было личное мнение Гарушкина, которое он оставил при себе. Конфуза спецслужб США он коснулся лишь потому, что разговор зашел о крайне серьезных проблемах, где вещи должны называться своими именами независимо от того, приятно это кому-нибудь или не очень, а соблюдение дипломатического политеса, когда собеседники нарочито обходят стороной деликатные темы или оборачивают их в велеречиво-изящную словесную шелуху, уходило на двадцать пятый план.

– Ну, что сделано, то сделано, – сухо парировал американец. – Во всяком случае, одним авторитарным режимом на земле стало меньше. А что касается израильской разведки, поверьте, у них абсолютно достоверные сведения из очень информированных и авторитетных источников, которым они полностью доверяют. Через свои возможности, я имею в виду агентурную и космическую разведку, мы тоже тщательно изучаем эту информацию, и, к сожалению, она подтверждается.

– И что из всего этого следует? – В свою очередь, Гарушкин использовал возможность задать риторический вопрос. Разведчик уже понял, к чему клонил американец, но хотел услышать конкретное предложение. Наверняка вся их беседа негласно записывается на аудиотехнику, а может, даже и снимается на видео. Так пусть, на случай «разбора полетов», сомнительная инициатива по проведению деликатных акций останется за другой стороной.

– В данной ситуации президент и правительство Соединенных Штатов Америки не сторонники применения твердой силы и нового регионального конфликта. Мы теряем аппетит к большим войнам и оккупации территорий противника…

«Слава богу, – подумал про себя Гарушкин. – А он, наверно, искренне и самозабвенно поет американский гимн перед началом каждого футбольного матча».

– …и поэтому единственной реальной возможностью остается неожиданный превентивный ракетный удар по военным атомным объектам Ирана, – закончил фразу Джон Стоун.

Глава 2
Виталий Коржавцев

Париж встретил Виталия Коржавцева унылым закопченным небом, из которого временами по-французски скупо бусил мелкий дождь, да грязным, болезненно-бурым цветом своих домов, сложенных еще во времена оны из песчаника или бургундского камня, отравленного за многие годы смогом и выхлопными газами тысяч автомобилей. И даже сочная, всех оттенков зелень «черепичного» сада Тюильри – самого старого в городе – надсадно-гламурная броскость ярких реклам и афиш Елисейских Полей, изысканно-строгая пропорциональность устремленной ввысь Эйфелевой башни и архитектурный римско-византийский ажур базилики Сакре-Кер на Монмартре не скрашивали тоскливую мглу городских пейзажей. На душе было пасмурно и мерзко, и хотелось умереть, совсем не взглянув на Париж.

Виталий и сам не мог понять своего состояния – хандра, сплин, хотя внешне все будто бы прекрасно. Солидная работа в серьезной компании на неплохой должности, загранкомандировка, о которой мечтают многие, молодая жена и очаровательный малыш (двое старших детей среднего школьного возраста от первого брака вместе с его «бывшей» остались в Москве и не особенно досаждали своими проблемами).

Но это внешне.

Уже давно осталась за плечами секретная и опасная работа в разведке, о которой он бредил с младых ногтей и к которой стремился наперекор всем трудностям. Нет, он не жалел о том времени, когда служба в КГБ СССР была для него превыше всего, более того, гордился своими успехами и заслуженными наградами, и даже потом, с годами, все больше и больше ощущал с острой горечью полноту и прелесть навсегда утраченного времени. На рубеже лихих девяностых все перевернулось с ног на голову и в государстве, безопасность которого он защищал, но так и не смог оградить от враждебных происков проклятых империалистов, и в личной жизни. Сказка о вечной любви тоже оказалась обманом. Сердечная страсть поистратилась, обветшала, истрепалась житейскими передрягами и не переросла в привязанность к семье, верность жене, ответственность за детей. Видать, чувства эти заплутали где-то в городской неразберихе, толкотне и шуме, служебных напрягах и обыденности; в семейной жизни что-то хрустнуло, надломилось, развалилось, и даже в пригоршне невозможно было удержать осколки былого счастья. Он развелся с женой, а вскоре и вовсе сжег все мосты, соединявшие его с прошлым, – ушел из Первого главного управления КГБ СССР, как это делали некоторые его коллеги. Причин тому было немало. У него вдруг появилось горькое осознание того, что большой кусок жизни прожит зря. Дело обеспечения безопасности страны, в которое он свято верил и честно исполнял все от него зависящее, оказалось пустой, никому не нужной тратой времени и сил. Страна, которую он защищал – «единый, могучий Советский Союз», – перестала существовать, просто развалилась на куски, а у России, как декларировало новоявленное политическое руководство, не осталось в мире врагов. Бывшее ПГУ (разведка), как и весь бывший Комитет госбезопасности, новая демократическая власть во главе с пропойцей Ельциным опустила ниже канализации. Ни авторитета, ни денег, а впереди – бездонная черная дыра безысходности и ни малейшего радужного блика или хоть какой-то надежды. Впрочем, кое-кто из его знакомых, державших нос по ветру, вовремя расчухал направление этого самого «ветра перемен». Используя влиятельных друзей, прорехи нового демократического законодательства, ваучеризацию, залоговые аукционы и прочую лабуду, они на фоне всеобщего обнищания и развала страны прихватизировали все, что только можно – землю, предприятия, энергетику, недра, транспорт, банки, рынки, средства массовой информации, а кое-кто и проституцию, игорный бизнес, продажу

алкоголя и еще много-много чего, – и стали утопающими в деньгах и роскоши собственниками со съехавшими в штаны мозгами. Их не любили, даже больше – ненавидели, но им завидовали и хотели не только внешне походить на них, но и быть такими, как они. Страна погрязла в коррупции, превратившись в державу Ивашек Мошенниковых – был на Руси такой мздоимец и вор боярских кровей, государеву мошну потрошивший, аки собственную.

Коржавцев все же успел выслужить минимально положенный двадцатник, получить весьма тощую – не для жизни, а для прозябания – пенсию, а поскольку в сорок с небольшим лет чичереветь в одиночку на шести сотках подмосковной дачи в маленьком, четыре на шесть, щитовом домике с крохотной верандой да со слезливой пенсией в первые дни каждого месяца не хотелось, он с головой окунулся в новый для себя мир бизнеса, который, как ему казалось, неплохо знал по своим долгосрочным загранкомандировкам. Но пещерный российский капитализм жил по своим волчьим законам, весьма далеким от цивилизованного западного предпринимательства. Первые шальные деньги, собственный офис в Хаммеровском центре Москвы, новая квартира в престижном районе столицы, шикарная тачка, коттедж недалеко от кольцевой автодороги, фитнес-клуб и большой теннис три раза в неделю ненадолго вскружили голову и коренным образом переиначили личностные установки и социальные ориентиры. В общем, живи, пока живется, до той поры, пока не помрется… Но беда безглазая – на всех кидается, а удача – ох как зряча, абы кому и надолго в руки не идет. Коржавцева, как и миллионы россиян, вмиг сгорбатил дефолт, начались разборки с бизнес-партнерами, денежные проблемы и даже криминальные «стрелки», из которых ему, слава богу, удалось выбраться живым, хотя и с существенными имущественными потерями. Самое лучшее, что он мог сделать в той ситуации, – так это «залечь на дно» и бережно проедать оставшуюся зачерствелую краюху своего еще недавно такого пышного и сладкого финансового пирога.

Из небытия выручили старые друзья по работе в разведке – предложили весьма непыльное место в пресс-службе солидной госкомпании «Военвнешторг», которая занималась посредническими услугами в сфере экспорта российских вооружений и военной техники. Здесь бывший полковник разведки пошел в гору. Помогли умение ладить с людьми, особенно с начальством, два языка, знание страноведения, прошлый опыт оперативной работы, предпринимательская изворотливость, хитрость и привлекательный, если не сказать больше, внешний вид. Вскоре его заметили и предложили должность в представительстве компании во Франции. Срослась и личная жизнь. Он женился на симпатичной, хотя и да-а-авно засидевшейся в девках, генеральской дочке – единственном ребенке в семье, ничего собой не представляющем, залюбленном, избалованном, капризном, а с возрастом и весьма амбициозном.

Новая работа в Париже, новые люди поначалу увлекли Коржавцева. Но интригующий эффект новизны и восторга жизни в одной из лучших европейских столиц с миллионом достопримечательностей, красот и соблазнов постепенно увял, а интерес, азарт и увлечение необычным делом вскоре уперлись в рутину: кипы никчемных бумаг, скучные, порою абсолютно пустые переговоры с представителями различных фирм и организаций, бесконечные увязки с Москвой сотен страниц контрактных документов, нудные встречи и проводы статусных гостей и представителей. Перспективные оружейные контракты или предложения по расширению кооперационных связей в интересах совместной разработки и производства современных образцов военной техники обычно вяли на корню, задушенные бюрократическими согласованиями и шифровками из Москвы, не поощрявшими активных контрактных решений и смелых креативных предложений в области военно-технического сотрудничества с зарубежными партнерами. Усугубляли ситуацию осторожность сверх меры и паническая боязнь руководства компании хоть на йоту отклониться от курса «политической линии» и нарушить какие-то мифические, поросшие мхом десятилетий военные и коммерческие

тайны, которые для всех заказчиков российской продукции военного назначения уже давно были «секретами Полишинеля». Начальство в представительстве желало лишь одного: спокойно, без хлопот и приключений доработать свой срок, а будет возможность – остаться и еще на один. Это покрытое болотной ряской чиновное существование и вовсе свело «на нет» любое проявление инициативы, превратив жизнь Коржавцева в нудное, зачастую с утра до позднего вечера написание пустых бумажек, громко именуемых «анализ», «отчет», «справка», «запрос», «согласование» и т. д., и т. п. по каждому пустяку, по поводу и без повода. И только подписание контрактов да международные выставки вооружений и военной техники Евронаваль и Париж Аэрошоу, проходившие в парижском пригороде Ле-Бурже, Милипол в Экспоцентре, или Евросатори в Норд Вильпент, подобно брошенному в трясину камню, возвращали к жизни и будоражили эту застойную болотную тину. Единственное, что еще хоть как-то спасало клерка от рутины, так это прогулки по Парижу, улицы и площади, музеи и выставки, исторические места и достопримечательности французской столицы. Скрашивали жизнь и развлекали встречи с представителями зарубежных фирм, военными, журналистами и не дававшие помереть от тоски и скуки пресс-конференции, приемы, фуршеты. Был и еще один повод окончательно не впасть в ипохондрию от безысходности и уныния.

Вот и сейчас, вернувшись в Париж после отпуска, Виталий Коржавцев ждал и желал одного – ее звонка.

Мобильник ожил мариконовской мелодией «Чи Мэй» из кинофильма «Профессионал» только в третью субботу июня, ближе к полудню, когда Виталий бесцельно слонялся по Парижу, чтобы избежать очередной семейной свары по очередному, какому-то самому банальному и незначительному поводу.

– Привет, – услышал он в трубке голос Женевьевы. – Это я. Как отдохнул?

– Привет. Неплохо, хотя уже успел забыть, что отдыхал, – у него участилось дыхание.

– А как тебе Париж?

– Мерзко. Если бы не ты, был бы еще хуже.

Она рассмеялась.

– Это у тебя плохое настроение, а Париж сегодня прекрасен. Солнце, суббота, а завтра будет День музыки.

Виталий поднял голову и только сейчас увидел солнце, действительно, ярко светившее из голубой небесной полыньи среди начинавших рассеиваться плотных серо-белесых туч.

– Что это?

– Праздник. Весь город будет танцевать всю ночь.

– Бог с ним, и с праздником, и с Парижем… Когда и где мы встретимся.

– Если сможешь, то часа через три в отеле «Кастильон», номер 624.

– Где это?

– Рядом с площадью Согласия, на углу улиц Фобур Сен-Оноре и Анжу. Я жду…

Он не успел ничего ответить, как в мобильнике раздался легкий щелчок, – собеседница нажала на кнопку с красной телефонной трубкой.

За время командировки Виталий прекрасно узнал Париж – не по карте и туристическим справочникам, а по улицам и площадям, которые он прошел на своих двоих, и сотням достопримечательностей этого восхитительного города, о которых ему частенько доводилось рассказывать, сопровождая на представительской машине высоких московских гостей. Досконально знать город, где живешь и работаешь (нет, не так: где работаешь, а усталое существование в короткие минуты между службой с утра до вечера и недолгим сном трудно назвать жизнью), было для него золотым правилом еще со времен работы в разведке.

Значит, так. До отеля он доберется минут за 30–40. А впереди – весь вечер, долгожданный и восхитительный.

«Отлично! – решил он. – Сейчас главное – позвонить жене и сказать ей, что меня опять запрягли до позднего вечера. Нужно, мол, встретить очередного московского ВИПа с супругой, разместить его в гостинице, потом вояж по магазинам и вечером сопровождение в ресторан в качестве переводчика. Так что домой вернусь очень поздно».

Мысленно составляя план своих действий до конца дня, Виталий по старой оперативной привычке старался предусмотреть вероятные проблемные ситуации и «проколы» и тут же отрабатывал нужные решения для выхода из возможных потенциально сложных обстоятельств.

«Любовная лодка» Коржавцева и его второй жены Зои уже больше года как «разбилась о быт». Скорее всего, и не любовь это была, а глупость, придуманная вдвоем несколько лет назад: просто взыграло, вспенилось ее женское начало, засидевшееся в мечте и ожидании, а ему нужно было уйти от одиночества и безысходности. Но интересы работы в загранпредставительстве «Военвнешторга», да еще и в условиях долгосрочной загранкомандировки были выше семейного разлада и житейских неурядиц. Уж очень им обоим не хотелось по причине семейных дрязг быть откомандированными в Москву и при этом сильно терять в военвнешторговской зарплате, да еще и с немалыми бонусами за работу в другой стране. А потому уже давно, еще с первых счастливых месяцев жизни в Париже, между ними действовал некий кодекс семейных отношений, в основе которого лежало основное правило: работа Виталия – прежде всего. Зоя работать не хотела, впрочем, от безделья и скуки не сильно маялась – ей вполне хватало домашнего хозяйства, которое, хоть и не было обременительным, но изрядно досаждало своим повседневно нудным и унылым однообразием. Забота о малыше, а еще больше шопинг тоже отнимали немало времени. В общем, такая жизнь Зою вполне устраивала, и даже все более частые разлады с мужем не заставили бы ее менять парижскую свободу на унылые московские будни. А уж если совсем было невмоготу, она покупала пяти-шестидневный тур по историческим местам Европы и оттягивалась в этом путешествии по самую ступицу. Против вояжей в Москву на три-четыре недели муж с некоторых пор тоже особо не возражал.

«Так, теперь надо заскочить в магазин, купить шампанское, фрукты, коробку конфет… – продолжал строить планы Виталий. – Конечно, все это можно заказать и в ресторане отеля, но не стоит лишний раз «светиться». К тому же там это будет гораздо дороже».

Солнце уже не таилось в ухабистых облаках; набрав силу, оно расцвело и засияло озорно и весело, утопив в Сене полуденную хмарь, раскрасив весь город своим ярким улыбчивым светом, и рассеяло сумрак душевной тоски Коржавцева.

«Женевьева, Женька… какая она сейчас, после почти двух месяцев разлуки?» – подумал он.

С густой, длинной – ниже лопаток – нарочито небрежно уложенной пепельной гривой мягко вьющихся волос (боже, сколько трудов стоил парикмахеру этот непринужденный шарм), в строгом брючном костюме черного цвета и легкой красной майке с широким вырезом на груди, за которым, когда она наклонялась, чуть-чуть выглядывала тоже красная кружевная кайма чашечек ее лифчика, – именно такой Виталий заметил ее впервые на одной из пресс-конференций Николя Саркози в 2008 году. Потом он видел ее на других пресс-конференциях и брифингах во время проведения международных парижских салонов вооружений и военной техники, но, наблюдая со стороны, не решался подойти к ней, чтобы не показаться навязчивым и бестактным. Впрочем, даже такое внешнее изучение давало вдумчивому и опытному наблюдателю солидный объем информации. Она была открыта в общении и имела широкий круг связей среди политиков, военных и журналистов. Но при этом умела держать дистанцию, отличалась корректной доброжелательностью, не теряя французского юмора и сарказма. Ее вопросы на пресс-конференциях свидетельствовали о глубоких знаниях внешней и внутренней политики страны, подспудных течениях и тонких взаимо-

связях этого «искусства возможного», а острый ум, профессиональное мастерство и тонкая ирония сквозили в публикациях даже по самым острым и сложным политическим проблемам. Тема международного военно-технического сотрудничества тоже была в сфере ее интересов. Но не это волновало Виталия и выделяло Женевьеву среди прочих женщин. Она, вопреки сентенции художника-сюрреалиста Сальвадора Дали о всех очаровательных дамах, была одновременно и красива, и элегантна. Смена обстоятельств, людей и ситуаций была для нее родной стихией. С легкостью весеннего ветра она меняла города и страны, круг знакомств, стиль и образ общения. Всего через несколько минут Женевьева становилась своей в любой компании – будь то безбашенный табун круто татуированных, заклепанных в черную дубленую кожу байкеров, изысканный салон чопорных дипломатов, богемный кружок полоумных, зацикленных на своем творчестве художников-интеллектуалов, шеренга надменных, переполненных чувством собственной значимости и чванливого достоинства высокопоставленных военных или неряшливый ученый одиночка, витающий только в одному ему доступных и понятных эмпириях. Даже в дамском обществе, где ее красота и обаяние изначально вызывали лицемерно скрытые зависть, недоброжелательность и подозрительность (а как еще женщины могут относиться к себе подобной – воспринимаемой, прежде всего, в качестве потенциальной соперницы, которая превосходит их самих не в чем-то одном, а едва ли не по всем параметрам и форматам), никто не мог сказать о ней ничего дурного, язвительного и уж тем более – мерзкого и гаденького. Удивительно, но в любой ситуации она оставалась сама собой, деликатно и тонко вживаясь в реальные обстоятельства, но не приспосабливаясь к ним, не подстраиваясь, а улавливая правила поведения и условности и, используя их, толерантно находя баланс личных интересов и запросов окружения.

Виталий, обладавший определенным кругом знакомств среди французских репортеров, освещавших темы военно-технического сотрудничества, знал, что, вращаясь в орбите одних и тех же людей и интересов, связанных работой на солидные общественно-политические средства массовой информации, он рано или поздно обречен на знакомство с этой журналисткой. Поэтому и не торопил события, и не просил общих приятелей по медийному цеху представить себя очаровательной коллеге. К тому же он не хотел быть инициатором такого контакта и положился на естественное стечение обстоятельств.

Так и вышло. Они случайно оказались рядом на пресс-конференции, которую устроило руководство «Военвнешторга» в шале для прессы на выставке Париж Аэрошоу в Ле-Бурже. Он – представитель российской компании-экспортера российской продукции военного назначения, она – обозреватель-фрилансер, сотрудничавшая с несколькими общественно-политическими и специализированными военными изданиями Франции, а также рядом серьезных зарубежных СМИ.

Ее короткий приталенный в стиле «болеро» жакет цвета деп лишэн – серого с едва уловимым зеленоватым оттенком – с недлинными узкими рукавами никогда не застегивался (на нем просто не было ни пуговиц, ни петель, ни крючков) и лишь прикрывал по бокам и спине легкую белую майку, облегающую невысокую упругую грудь, плоский живот и талию – тонкую, как ножка снифтера – рюмки для коньяка выдержки Х.О. Провоцировать пьянящее мужское возбуждение и женскую зависть продолжали ее узкие бедра, туго обтянутые (без единой морщины и складки) такими же деловито-серыми, как курточка, брюками, мастерски подчеркивающими стройность ее длинных ног. Неширокий, темно-красный с едва уловимыми глубокими бликами самба блестящий пояс, будто взмах крыльев неведомой птицы, застыл на бедрах, а сверкающая черненой сталью ажурная пряжка покоилась чуть выше бугорка Венеры, навязывавшего лицам противоположного пола такие феерические фантазии, от которых у них шевелились и начинали дыбиться не только волосы.

Завершали эту гламурную композицию подобранные в тон брючному костюму сумка-«тюльпан» и туфли на высоком тонком каблуке с узкими изящными вставками,

инкрустированными радужно бликующими, словно капли росы, стразами. В общем – изысканно-утонченный замес демократичной элитарности, деловой строгости, изящно-небрежной элегантности с легким подтекстом эротичной раскованности и жестким стержнем уверенности в себе.

Коржавцев уже давно понял: эта дама не подделывалась под вызывающую сексапильно-фривольную моду, а естественно и органично выбирала для себя наиболее филигранные и значимые нюансы в находках лучших итальянских и французских кутюрье, напрочь отбрасывая пошлую мишуру, эпатаж и вычурность, от которых тащился бомонд главных европейских столиц, и никогда не тратила уйму денег, чтобы быть до одури модной и до глупости смешной. Она уверенно и достойно шла, нет, даже не шла, а легко, словно босиком по песку, шелестела среди окружающих ее людей и предметов – будь то в собственной квартире, на улице, в офисе или на светском рауте. И редкий мужчина, забыв о приличиях, до хруста в позвонках не сворачивал себе шею, глядя вслед этому природному совершенству, тонко ограненному флером одежды, неяркой косметики, не самых дорогих украшений и умопомрачительных ногтей.

Кстати, о ногтях.

На них никак нельзя было не обратить внимания. Виталий поймал себя на том, что просто впился в них взглядом, когда она ловко открыла заднюю крышку своего диктофона и поправила в нем пальчиковые аккумуляторы. Все тщетно. Они разрядились, и диктофон не подавал никаких признаков жизни.

– Извините, у вас случайно нет двух запасных батареек, – обратилась она к сидящему слева от нее соотечественнику-фотокорреспонденту?

– Нет, – буркнул тот, подставив к правому глазу окуляр своей фотокамеры с гигантским объективом и демонстрируя невероятную занятость, хотя пресс-конференция еще не началась.

Наблюдавший эту сцену Коржавцев хмыкнул про себя: «Нашла же к кому обратиться?! Да у «фотиков», тем более французов, зимой снега не выпросишь…»

– А у вас? – Женевьева неожиданно повернулась и вопросительно посмотрела на Виталия своими темно-оливковыми глазами.

– К сожалению, нет, – немного смутившись собственным вынужденным отказом, ответил он, – но… после пресс-конференции я могу дать вам свой диктофон с записью, и вы подготовите материал.

– А как же вы?

– Ну… я… – замялся Виталий. Уж очень ему хотелось помочь очаровательной соседке, с которой давно ждал встречи. – Отчет о пресс-конференции мне нужно подготовить к завтрашнему утру и…

– Значит, – улыбнулась она, – вы предлагаете мне сделать статью сегодня вечером, а сами будете работать ночью?

– Наверное… – пожал он плечами.

– Нет, так не пойдет, – сказала она, словно провела кошачьей лапой – мягкой, но с острыми коготками, в которых не трепыхнешься. – Я не могу принять такую жертву. У меня есть другое предложение.

– ?.. – Он вопросительно посмотрел на нее.

– Вы записывайте на свой диктофон всю пресс-конференцию, а потом мы пойдем в бар пресс-центра, прослушаем запись и вместе подготовим статьи для своих изданий. Ведь мы же не конкуренты? – вновь улыбнулась она. – А кофе – за мой счет.

Улыбнувшись в ответ, Виталий кивнул головой в знак согласия.

– Вам даже не придется тратиться на кофе. После пресс-конференции наша компания устраивает небольшой фуршет с тарталетками, канапе, пирожными и даже шампанским.

А это, – он протянул ей пресс-релиз и информационные материалы, которые готовил для пресс-конференции, – поможет вам подготовить статью… Кстати, если нужен эксклюзивный материал, я могу попробовать устроить для вас интервью с руководителем делегации нашей компании.

– О, это просто здорово! Огромное спасибо, – рассмеялась журналистка. – Вот видите, благодаря вам я кругом в шоколаде…

Прессуха с руководством компании о продвижении российской авиационной военной техники зарубежным партнерам шла своим чередом, а Виталий, забыв обо всем на свете, исподволь наблюдал за своей новой знакомой – благо делать это было нетрудно, поскольку он сидел в кресле почти рядом с проходом у правой стены шале, и его соседка, внимательно глядя на трибуну, расположенную в центре небольшого подиума, была вынуждена слегка повернуть голову влево и не могла заметить пристального внимания сидящего справа от нее мужчины. Впрочем, иногда она оглядывалась, но Виталий вовремя замечал движение ее головы и успевал переводить свой взгляд на подиум. Улыбаясь, Женевьева секунду-другую смотрела на него, он чувствовал это и поворачивал голову в ее сторону. Их взгляды встречались, его рука с диктофоном начинала едва заметно подрагивать то ли от напряжения, а скорее всего, от волнения. Она же слегка касалась своими фантастическими ногтями уголков рта или поправляла прядь волос…

Да, в отличие от абсолютного большинства женщин, пожалуй, самым поразительным украшением Женевьевы были не дорогие серьги, колье, браслеты, бусы и кольца с бриллиантами, которые она могла себе позволить, но надевала крайне редко, а именно ногти. Длинные – изумительно завершенной и отточенной формы «стилет», они были словно продолжением ее таких же изящных и тонких пальцев. Узкую поверхность, отливающую мягким и глубоким многоцветьем перламутра, украшал ажурный узор из черной гель-краски, филигранно прорисованный тончайшей кистью. Он начинался с нижнего края ногтевого ложа и легкой вязью струился по краю ногтя почти до самого кончика. В это цвета безлунной ночи кружево со сканью причудливых завитков была вкраплена едва ли ни сотня ограненных страз разной величины – кристаллы Сваровски – от достаточно крупных у основания ногтя до самых маленьких у его окончания. Их мелкие радужные искорки удивительным образом – таинственно и волшебно – сливались с нежно-перламутровыми переливами «стилетов». Почти невесомый фон этого совершенства цветовой гаммы был словно притоплен в матовой глубине ногтевой пластины и создавал изящно-объемный, едва ли не голографический, эффект. В тон этой цветовой палитре можно было без особого труда подобрать самый разнообразный наряд – от строго делового костюма до пляжно-яркого, дышащего воздухом легкого платья. Восхищенно-цепкие, с плохо скрываемой завистью женские взгляды посетительниц дорогих ногтевых ВИП-салонов оценивали творение этих десяти миниатюр одного из лучших нейл-специалистов Европы почти в тысячу евро и были недалеки от истины. Самые близкие подруги Женевьевы знали, что для создания этого виртуозного произведения ногтевого искусства она проводила шесть-семь часов в небольшом, но весьма престижном салоне «Юник Стайл» в Праге (французские профессионалы этого направления моды явно отставали от своих восточных соседей), куда приезжала раз в три-четыре недели для коррекции или смены дизайна. «Быть можно человеком дельным и думать о красе ногтей», – француженка не читала пушкинского «Евгения Онегина», но, услышав это двустишие от Вероники – молодой русской хозяйки салона, превосходного нейл-мастера и обладательницы таких же роскошных ногтей-стилетов, полюбила и запомнила его. И от себя добавляла, что Эйфелева башня – это не «Железная дама Франции» у Йенского моста на Марсовом поле, – это лишь ее утонченно-роскошный ноготь-«стилет», поддерживающий небесный свод Парижа. А в ответ на любопытствующие вопросы друзей и знакомых по поводу того, как можно в повседневной жизни управляться с такими невообразимо огромными ногтями, продолжала

цитировать Веронику: «С ними я могу все: водить машину, пеленать младенца, заниматься в тренажерном зале и даже прекрасно чистить картошку, – очень удобно острыми кончиками выковыривать глазки. Единственное, чего не могу, – так это играть в боулинг…» И если насчет картошки она слегка привирала – с этой не особенно приятной частью домашней работы прекрасно справлялся кухонный комбайн, то все остальное было сущей правдой.

А как она играла на фортепьяно! Благодаря «стилетам», Женевьева без труда брала почти две октавы, но при этом к чарующим звукам аккордов и переборов примешивалось едва уловимое постукивание ногтей о клавиши. Конечно, профессиональных пианистов, слышавших ее игру, это поначалу коробило, но вскоре и они привыкали к легкому аккомпанементному пощелкиванию в такт мелодии.

Не менее виртуозно она работала и на компьютере! У нее выработался свой особенный и неповторимый стиль: кончики пальцев не бегали судорожно вверх и вниз, вправо и влево по клавиатуре, а просто слегка расходились и сходились едва заметными волнообразными движениями по шести рядам клавиш. Весь секрет был в том, что она, едва заметно сгибая и разгибая пальцы, их подушечками нажимала клавиши нижних рядов, а кончиками ногтей – верхних. Бесподобное и редкое зрелище.

В этом Виталий убедился сразу после конференции, когда они слушали по диктофону наиболее важные места из выступления руководителей «Военвнешторга», а она при этом быстро набирала текст на своем лэптопе. Заказанный и оплаченный кейтеринговой компании фуршет был конфузливо отменен по причине различных технических неувязок и сбоев, и журналисты сидели в пресс-центре, потягивая кофе за счет организаторов авиасалона и со смехом едко злословили по поводу русского медведя, которому даже пенки от капучино не досталось, и французского бариста, который будто бы оказался пацифистом и демонстративно отказался готовить кофе для продавцов военной техники – «коммивояжеров смерти».

Скрасить неловкую ситуацию с разрекламированным, но так и несостоявшимся «общением в неформальной обстановке» помог короткий разговор Коржавцева с руководителем делегации «Военвнешторга» по поводу эксклюзивного интервью для представительницы французских СМИ. Организовать такую встречу стало для Виталия делом чести после постыдно обманутых ожиданий шампанского, кофе и тарталеток.

– Кстати, меня зовут Женевьева, – улыбаясь и чуть наигранно сказала журналистка, закончив работу и протягивая своему новому знакомому руку, соблюдая узаконенный всем цивилизованным миром ритуал – то ли в благодарность за помощь, то ли в знак официального знакомства, а может, для того, чтобы хоть как-то помочь скрасить неловкость, в которой не по своей воле оказался ее русский коллега, или просто заполнить возникшую паузу.

– М-м-м… Виталий. – От неожиданности и смущения, что до сих пор не представился, он излишне поспешно протянул руку и слегка пожал гладкую и прохладную ладонь своей новой знакомой. При этом он почувствовал, как острые стилеты слегка коснулись его запястья чуть выше того места, где российские врачи обычно щупают пульс. Если бы на кончиках ее ногтей были сенсорные сканеры, она бы почувствовала, как в его венах учащенно пульсирует, почти закипает кровь.

Чтобы хоть как-то скрыть свое замешательство, он достал из бумажника свою визитку и передал ее француженке. В ответ она протянула свою карточку, легко зажатую между роскошных длинных ногтей.

– Мы не опоздаем на встречу с вашим шефом?

– Нет-нет, у нас есть еще минут пятнадцать. Мы как раз успеем дойти до переговорной комнаты на нашем стенде… Собственно говоря, я и хотел узнать, как вас лучше представить моему руководству… – оправдывался он.

– Теперь вы знаете – Женевьева Дюваль, фрилансер, сотрудничаю с общественно-политическими изданиями и специализированными военными журналами.

Интервью в переговорной прошло на ура. Очарование и внешний вид француженки располагали к общению, а ее точные и корректные вопросы, свидетельствующие о том, что она не просто «в теме» военно-технического сотрудничества, знакома с основными характеристиками современных образцов боевой техники, прекрасно разбирается в специфике и особенностях мирового рынка вооружений, исключали банально-расплывчатые ответы общего плана, не оставляющие ничего в сухом остатке, побуждая собеседника делиться предметной информацией о характере перспективных контрактов, возможных направлениях совместной разработки и производства передовой военной техники в интересах третьих стран, офсетных программах, борьбе с контрафактным тиражированием и распространением вооружения и других нюансах экспортно-импортных операций, связанных с продукцией военного назначения. В отличие от своих коллег-журналистов, Женевьева не гонялась за сенсациями. Она прекрасно понимала, что ее собеседники – представители высшего менеджмента главного российского спецэкспортера – знают, что можно говорить, а что нет, и в случае чего умеют держать язык за зубами. Ее интересовали анализ ситуации, логика действий сторон в оружейном бизнесе, проблемы и перспективы взаимовыгодного военно-технического сотрудничества в контексте общей политики государств, возможность легальных поставок и каналы незаконного сбыта продукции военного назначения в горячие точки и воюющим сторонам в региональных конфликтах, – все это было гораздо интереснее и важнее показушных цифр и вырванных из контекста реальной действительности отдельных фактов. Несмотря на жесткий график работы главы российской делегации, вместо планируемых двадцати минут интервью длилось более часа, который для обеих сторон незаметно пролетел в интересной и содержательной беседе.

– Благодарю вас за организацию этой встречи и материалы, которые вы мне дали, – сказала она на прощание Виталию. – Надеюсь, мы еще увидимся?

– Я буду очень этому рад.

Уже вскоре после знакомства на пресс-конференции были звонки и новые встречи сначала по рабочим вопросам – Женевьева активно взялась разрабатывать тему военно-технического сотрудничества России и Франции, – затем эти рандеву становились все более продолжительными и проходили в менее официозной обстановке французских кафе, ресторанчиков и… гостиниц. В общем, уже в который раз подтвердилась старая истина: в Париже, как и в Голливуде, холостяку трудно остаться холостяком, а женатому еще труднее остаться просто женатым.

Глава 3
Идея на грани абсурда

Хотя американец достаточно долго и весьма профессионально подводил собеседника к позитивному восприятию своей идеи, Гарушкин был ошарашен таким предложением, но даже бровью не повел, чтобы не выдать своего замешательства. Он ожидал и был готов к самым абсурдным и нелепым предложениям, но только не к такому… Его первой эмоциональной реакцией было желание, что называется, «на пальцах» объяснить своему американскому коллеге весь идиотизм его замысла, а потом встать и, хлопнув дверью в знак протеста, уйти, однако врожденная и закрепленная всем жизненным опытом и профессиональной этикой осторожность и привычка деликатного общения с людьми удержала разведчика от импульсивного порыва. А церэушник ждал ответа.

– Послушайте, Джон… Я не уверен, что руководство моей службы и нашей страны поддержит предложенный вами вариант.

В этой осторожной фразе было все: и собственное негативное отношение к предложению американцев, и сомнение в реальном выполнении задуманной ЦРУ операции, и явное желание остаться в стороне и не участвовать в этом паноптикуме маразма.

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, – парировал американец. – Сначала и мне эта миссия показалась невыполнимой.

Руководитель посольской резидентуры выжидающе взглянул на Гарушкина и продолжил.

– Безусловно, право принятия окончательного решения останется за президентами США и России. Спецслужбы должны лишь детально проработать и предложить вариант кардинального, по возможности безболезненного и наименее затратного плана реализации этой миссии. Еще раз хочу отметить: в Вашингтоне это решение обсуждалось непросто и далось очень нелегко. Но иного пути нет… – Джон открыл бутылку с минеральной водой и вопросительно посмотрел на собеседника. Получив кивок в знак согласия, он до половины наполнил два стакана, сделал глоток и продолжил свой затянувшийся монолог: – Мы понимаем, что, в отличие от США и Израиля, Россию и Иран связывают тесные политические и экономические отношения. Но сейчас в этой сфере между вашими странами наступили не самые лучшие времена. Россия была вынуждена соблюдать международные запреты и санкции в отношении Ирана, что уже дало повод к некоторому охлаждению дружеских отношений. И вы знаете, что Тегеран уже ищет новых союзников. А если это будет Китай?

– Китай – это вполне самостоятельный дракон, который гуляет сам по себе…

– И заметьте, не просто дракон, а ядерный, но при этом, – американец поднял указательный палец, – прогнозируемый, с которым, набравшись терпения, можно хоть как-то вести диалог и иметь дело.

– Да, если научитесь есть палочками…

– Вы правы, они всегда были «вещь в себе». Но Иран – это другой мир, другая политика, другой менталитет, другая религия. И, самое главное, – воинствующая религия. Что такое ортодоксальный и непримиримый ислам, мы с вами ощутили на себе в Афганистане. У вас еще была Чечня, у нас – Ирак. И в том, что новая война на Ближнем Востоке во многом будет войной на религиозной основе, – сходятся многие аналитики. Так стоит ли давать потенциальному противнику возможность вооружиться смертельно опасными средствами массового уничтожения?

– Извините, у нас другая стратегия. Мы исходим из концепции предотвращения войны, тем более масштабной, и решения всех противоречий и спорных вопросов политическим путем.

– То есть путем умиротворения? Прошлая мировая война тоже началась с… как это по-русски? С по-бла-жек Гитлеру и Муссолини. Чем это закончилось – не мне вам рассказывать… Думаю, сегодня российские политики меньше всего мечтают о лаврах Чемберлена и Даладье. Англичанину повезло, он умер, не испытав всех тягот и лишений войны. А вот бывший французский премьер оказался в концлагере Бухенвальд и был счастлив, когда в конце войны его освободили американские солдаты.

Джон Стоун не без умысла вспомнил и Чемберлена, и Даладье, и самый большой нацистский лагерь смерти Бухенвальд, и американских пехотинцев. Может быть, краткий исторический экскурс хоть как-то образумит этого русского.

– Да, «Каждому свое», – задумчиво процитировал Гарушкин надпись на воротах Бухенвальда. – Если бы не коммунисты, поднявшие в лагере восстание, Даладье мог бы и не дождаться американцев и не увидеть своей Франции. – Вольно или невольно он дал понять собеседнику, что неплохо знает историю, вот только выводы из этих уроков у каждого свои. – Что же касается Ирана, Россия не намерена начинать войну, – подытожил россиянин.

– Речь не идет о войне, – гнул свою линию Джон. – Превентивный удар и только. Причем непонятно, кто его нанес, какими силами и средствами, откуда… В общем – некий аналог 11 сентября и разрушения двух небоскребов-близнецов. Зато проблема будет решена одномоментно и окончательно. Happy end, – как в Голливуде, все довольны и счастливы.

– Еще чуть-чуть, и я начну думать, что атака двух высоток и здания Пентагона пассажирскими лайнерами, гибель нескольких тысяч американцев – тоже тайная операция ЦРУ.

– Господин Гарушкин, – несмотря на свою выдержку и опыт, американский разведчик моментально перешел на резкий, далекий от дипломатии тон. Его размыто-голубые глаза зло и хищно прищурились, улыбка исчезла, пальцы до белизны в ногтях сцепились в замок. – Любую, даже самую конструктивную идею можно довести до абсурда. Но мы с вами не для этого встретились.

– Джон, прошу прощения, – примирительным тоном сказал гость. Он понял, что явно переборщил.

– Я только хотел напомнить, что подобные ситуации уже были в недавнем прошлом, – более мягко продолжил разведчик-дипломат. – Хотя, понятно, в данном случае любое сравнение м-м… – он запнулся, подыскивая нужное русское слово, – хро-ма-ет… Но Америка и ее народ стойко пережили трагедию 9/11 и сами, без помощи со стороны справились с ее тяжелейшими последствиями. А после уничтожения ядерных объектов в Иране в первую очередь Россия, как дружественное и граничащее с Ираном государство, США, как мировой лидер, Евросоюз и все цивилизованное сообщество помогут народу страны, пострадавшей от неизвестной третьей силы. Жертвы – минимальные, зато мир будет гарантированно спасен от возможности третьей мировой и, заметьте, первой ядерной войны, в которой, давайте судить здраво, наши страны, скорее всего, могут оказаться противниками.

Джон умолк, помолчал и, выразительно посмотрев на своего собеседника, тут же добавил:

– Мне бы этого не хотелось…

– Мне бы тоже… Но, согласитесь, идея чересчур смахивает на авантюру и достаточно цинична.

– Вы не хуже меня знаете, большая политика цинична насквозь. Но в данном случае я согласен с Макиавелли: цель оправдывает средства. Да, это цинично, дерзко, нагло, может быть, даже кощунственно, но это сработает! – Американец перевел дыхание и продолжил: – Даже если Россия откажется от участия в этой акции, мы будем действовать самостоятельно

в целях ликвидации неотвратимых угроз в адрес Соединенных Штатов и их граждан. Нас поддержит Израиль, и мы добьемся своего. Но тогда жертв среди иранцев будет несоизмеримо больше.

Неотрывно следя за реакцией собеседника и чувствуя, что достиг апогея в своей филиппике, он несколько поумерил пыл и пафос.

– Сегодня глобализация затронула работу разведсообщества многих стран – это свершившийся факт. И всем нам необходима тесная координации действий. Только так будет получен значимый результат при минимальных затратах сил и средств, а главное – наименьших потерях для каждой из сторон. Если хотите, можете называть эту спецоперацию новым способом ведения активных боевых действий. Она будет поэффективней гибридной войны и станет тем, что можно назвать «управляемым хаосом».

– Все правильно… Но у русских есть такое понятие, как подлость. И она не прощается…

– Я уже не один год работаю в России. И если уж говорить о подлости и цинизме, то нет ничего более непристойного, подлого и хамского, чем ваши «новые русские».

Гарушкин удивленно посмотрел на собеседника, который вновь продолжал изумлять его своими заявлениями. Уж чего-чего, а такого пассажа от американца он никак не ожидал.

– Я поражаюсь вам, русским, – вашему народу, вашему правительству и особенно вашим миллионерам – народным олигархам (в смысле – вышедшим из народа), – не унимался Джон. – В самый тяжелый год кризиса у вас стало в два раза больше валютных миллионеров. А один из ваших олигархов приобрел на аукционе самое дорогое в мире пасхальное яйцо Фаберже из императорской коллекции Николая II. За 18 миллионов долларов! И не для страны, не для 22 миллионов россиян, прозябающих за чертой бедности, а для личной коллекции… Испытание горем, бедностью и голодом вы выдержали с честью, а вот богатство и сытость уничтожает все лучшее, что есть в вашем многонациональном народе.

– Ну, слава богу, далеко не во всем народе…

– Конечно, конечно… Я имел в виду самую богатую, но далеко не самую лучшую часть российского общества.

«Вот тебе и американосы… – вновь подумал Гарушкин. – У нас-то все думают, что кроме баксов у них в глазах ничего не светится, а тут – на тебе…»

– Оставим в покое наших нуворишей. Давайте предметно поговорим о том, ради чего я к вам приехал. – Как разведчика Гарушкина интересовала оперативная составляющая предложенной американцами операции.

– Что, на ваш взгляд, нужно сделать для успешного выполнения этого задания, какие конкретные мероприятия осуществить?

– Общая схема действий такова. Идя навстречу пожеланиям Ирана, Россия реанимирует замороженный благодаря санкциям США контракт на поставку в эту страну зенитных ракетных комплексов большой дальности С-300. Мы анонимно делаем намеренную утечку этой секретной информации в американскую прессу, которая раздувает очередной скандал.

– То есть делаем тайну достоянием гласности, чтобы в общем шуме скрыть реальные действия и предотвратить любые возможные инсинуации по поводу взаимодействия наших спецслужб?

– Совершенно верно! В ответ Россия публикует обычное в подобных случаях дежурное заявление для прессы с опровержением «американской клеветы». Все, как в жизни. И со стороны никаких подозрений по поводу того, что что-то не так. – Джон Стоун был воодушевлен тем, что его собеседник перешел на понятный обоим оперативный сленг и специфический для сотрудников спецслужб ход мысли. Он воспринял это как хороший знак. – Тем временем ваши специалисты с участием наблюдателей из Ирана и с соблюдением всех необходимых формальностей и должной степени секретности отгружают ракеты и комплексы противо-

воздушной обороны на зафрахтованный корабль, который берет курс на Бендер-Аббас или другой иранский порт, – все больше и больше вдохновляясь, продолжал Джон.

– Надеюсь, вы в курсе, что из Петербурга до южных портов Ирана долгий путь?

– Конечно. И это как раз нам на руку. К тому же, по понятным причинам, нельзя использовать иранские порты Каспия. Да и глубоководных причалов у них там нет. Значит, остается этот протяженный и удобный для наших целей маршрут.

– Согласитесь, наносить удар средствами противовоздушной обороны по крупным наземным объектам – это просто бред. К тому же по характеру разрушений и остаткам ракет любой военный специалист легко определит, какому государству принадлежало это оружие нападения.

– Абсолютно правильно. Но не факт, что русские ракеты запустили русские, а главное – это будут уже не комплексы ПВО.

– ?..

– Представьте такую ситуацию. Через несколько дней пути, когда до пункта назначения остается уже совсем немного, где-нибудь в районе Африканского Рога или в любой другой точке по маршруту следования корабль с российскими ракетами будто бы захватывают сомалийские пираты или какие-то террористы. В общем, никому неведомая третья сила. Думаю, пресса сама придумает каких-нибудь негодяев, которые захватили торговое судно ради большого выкупа, совершенно не зная о характере груза.

«А ведь в этом что-то есть…» – размышлял Гарушкин, внимательно слушая собеседника.

– На некоторое время корабль исчезает из поля зрения соответствующих российских и международных служб морского наблюдения и контроля, – продолжал Джон. – В это время к нему подходит судно, и осуществляется перевалка, а точнее – замена комплексов ПВО С-300 на тактические ракеты средней дальности.

– Чье судно, чьи ракеты? – Разведчик уже понял ход мысли своего коллеги, но ему хотелось, чтобы американец сам озвучил свои предложения, а заодно определил и зону функциональной ответственности участников акции.

– Через третьих лиц нужно будет найти подходящий корабль в какой-нибудь нейтральной стране, зафрахтовать его, подобрать экипаж… Все эти действия будут совершаться под чужим флагом.

– А оружие?

– Конечно, российское. Согласитесь, даже при всей подозрительности персов им и в голову не придет, что Россия сможет нанести удар по Ирану. Тем временем весь мир кроме наших специальных служб будет продолжать оставаться в неведении реально происходящих событий. Политики негодуют, пресса бурлит, высказывая самые фантастические догадки по поводу того, что же произошло с кораблем.

– Что дальше?

– Через некоторое время – неделя, две – корабль появляется где-то у входа в Ормузский пролив.

– А пираты?

– Официальной информации нет, и пресса, идя на поводу наших совместных анонимных вбросов, строит самые различные догадки: корабль отбил русский спецназ; экипаж сам справился с морскими разбойниками; за судно с военной техникой пиратам заплатили выкуп – три-четыре миллиона долларов… В общем, некий симулякр – имитация того, чего нет и никогда не было на самом деле. Все будто бы успокаиваются: судно найдено, комплексы ПВО вроде бы на палубе и в трюмах – это засвидетельствуют облеты корабля военной авиацией Ирана, и экипаж даже отвечает на все запросы и позывные. Короче, Иран пропускает

корабль в Персидский залив и далее к своим берегам, поскольку уверен, что на нем стратегический груз – комплексы противовоздушной обороны.

– Но ведь наших контрагентов в Тегеране мы должны будем объективно информировать о реальном, а не мифическом положении дел.

– Конечно. И здесь вам придется слегка потянуть время.

– Как ты себе это представляешь?

– Примерно так же, как Россия развела м-м… ка-ни-тель в ответ на четырехкратную просьбу президента Киргизии Розы Отунбаевой послать в республику российских солдат, чтобы покончить с межэтническими столкновениями в Оше. Тогда Москва обещала изучить этот вопрос, – американец выразительно посмотрел на собеседника. – Вот и сейчас нужно будет сделать то же самое под предлогом того, что ситуация выясняется, изучается, проверяется и так далее. Самое главное: в час «Х» Россия по официальным каналам уведомляет иранскую сторону, что сухогруз остается в руках пиратов, а команда подчиняется требованиям террористов и вынуждена действовать по их указаниям. Это подтверждает и сигнал SOS, который удалось передать в эфир кому-то из моряков захваченного корабля. В Тегеране, естественно, принимается решение атаковать и захватить судно. Этот шаг поддерживает и Россия. На помощь военно-морским силам Ирана идет американский фрегат Пятого флота США, патрулирующий Персидский залив. В воздух поднимается боевая авиация Израиля.

– Но как США и Израиль узнали о критической ситуации?

– Они слышали сигнал о помощи. И поскольку на корабле находятся, как всем стало известно после шумихи в прессе, современные системы противовоздушной обороны, каждая страна посчитала своим долгом сделать все для того, чтобы это грозное оружие не оказалось в руках пиратов, тем более террористов, захвативших сухогруз.

– Я так понял, что…

– Совершенно верно! Создается уникальная ситуация, когда вечные враги – Иран, Израиль, Россия и США – объединяются, чтобы вместе покончить с террористами, которые захватили корабль с оружием. Но…

– Но когда же будет нанесен удар по ядерным центрам Ирана?

– Буквально за несколько минут до того, как ракетно-артиллерийский шквал нашего фрегата и израильской авиации в щепки разнесет этот корабль. Все логично: увидев пуск боевых ракет с сухогруза, командование нашего флота предпринимает адекватные ответные меры и уничтожает террористов. Можем даже сбить одну-две ракеты, летящих в сторону Ирана. Это будет проявлением наших добрых намерений в отношении Исламской республики и стопроцентное алиби непричастности к проведению всей операции… Думаю, даже уверен, что ВМС Ирана тоже не упустят возможности принять участие в уничтожении корабля с террористами, которые напали на Иран.

– А как же русский экипаж сухогруза? Он что, обречен?..

– К сожалению… на войне, как на войне, без жертв не бывает…

– Нет, нам такой финал не подходит! Однозначно!

– Хорошо-хорошо… Давайте подумаем над другим. Но мифические террористы должны быть полностью уничтожены сразу после того, как обстреляют тактическими ракетами ядерный объект в Иране. И, как говорят в России, – концы в воду,

– В любом случае всех, и прежде всего иранцев, рано или поздно заинтересует вопрос о том, что же стало с комплексами ПВО? Куда они делись?

– Для всех они будут вроде как полностью уничтожены и потоплены мощным американо-израильским ракетно-бомбовым ударом. Вы еще и страховое возмещение сможете за них получить. Но! – Американец интригующе посмотрел на собеседника. – Но фактически они останутся в вашем распоряжении целыми и невредимыми, но только на другом корабле. Что хотите с ними, то и делайте.

– Знаете, если это и сработает, то только в силу абсурда и нелепости всей затеи…

– На это и расчет. К тому же в жизни гораздо больше абсурдных ситуаций… Вы знаете, что однажды американские ВВС сбросили атомную бомбу на собственную территорию?

Гарушкин уже в который раз обомлел за эту встречу и на сей раз даже не мог скрыть своего удивления.

Видя, что история заинтересовала собеседника, американец продолжил:

– Это было в 1958 году. В то время США и СССР готовились к атомной войне, в которой основным средством доставки атомных боезарядов к цели были реактивные бомбардировщики, – Джон потер пальцем висок, словно что-то вспоминая. – Так вот… Во время полета B-47 с 30-килотонной атомной бомбой Mk.6 на борту приборы показали неполадки в системе крепления бомбы. Штурман, кажется, его звали Брюс Калка, пошел в бомболюк, чтобы выяснить причину. Беда в том, что он был небольшого роста и, чтобы увидеть механизм крепления, решил залезть на бомбу.

– Он что, не в своем уме?

– Бомба же не в музее, трогать можно. Но самолет качнуло, и, чтобы не упасть, он инстинктивно схватился за какой-то рычаг. А это был механизм принудительного сброса. Представляешь, бомба весом в три с половиной тонны сорвалась с креплений, упала, проломила створки бомболюка и на высоте девять тысяч метров вывалилась из самолета…

«Ну, тупые же эти американосы, даже летчики…» – подумал Гарушкин.

– При ударе о землю сработало взрывное устройство со штатным ВВ для обжатия ядерного заряда. Взрыв был такой силы, что на земле осталась воронка больше семидесяти футов в диаметре и тридцать футов глубиной. Это случилось в местечке Марс Блафф, к счастью, никто не погиб.

– Как так?! А взрывная волна, а световое излучение, наконец – радиация?

– Бомбу транспортировали в Англию, и ядерный сердечник во время полета находился отдельно. Иначе значительная часть штата Южная Каролина была бы стерта с лица земли.

– Бедолага летчик тоже вывалился из самолета?

– Нет. Каким-то чудом он остался в бомбовом отсеке.

– Жить захочешь – зубами за воздух уцепишься…

Американец не просто так пустился в воспоминания полувековой давности, которые еще несколько лет назад носили гриф «Совершенно секретно». Он должен был убедить русского коллегу в том, что реальная жизнь порою выглядит более фантастичной, чем самый безудержный вымысел. К тому же истории былых времен, где нелепая случайность, чья-то халатность, элементарный технический сбой и уж тем паче – злой умысел, едва не приведшие к величайшим трагедиям, должны были продемонстрировать собеседнику, насколько опасно не только применение, а просто обладание оружием огромной разрушительной силы, обозначить бремя ответственности, которое лежало как на политическом руководстве государства и армии, так и на каждом человеке, хоть в какой-то мере причастном к этим смертоносным орудиям войны. И какой сюрприз умышленно или невольно может преподнести миру непредсказуемый Иран, окажись в его руках атомный ларец Пандоры, на дне которого не будет и капли надежды…

Глава 4
Мохаммед Салами

Мохаммед Салами – иранский физик-ядерщик, которому было чуть за тридцать, – занимался исследованиями в области медицинских радиоизотопов в университете «Малек Аштар». Красавица жена, пятилетний умница сын, неплохая по иранским меркам квартира, машина и постоянная, хорошо оплачиваемая работа… Что еще нужно для счастливой жизни? Он считался перспективным специалистом, хорошо знал английский язык и хоть и нечасто, но имел возможность выезжать за границу на профильные симпозиумы, выставки и конференции.

С недавних пор его научный авторитет пошел в гору. После публикаций нескольких статей в научных университетских сборниках своей страны к нему стали обращаться представители национальных секретных центров Ирана, занимавшихся проблемами ядерной энергии, в том числе и по ее военной составляющей. Их интересовали некоторые частные вопросы прикладного характера, которые ученый помогал решать. Для этого он выезжал в недолгие командировки в Кум, Карадж, Натанз, Исфахан, Арак и другие города, где располагались объекты ядерной энергетики страны. С него взяли подписку о неразглашении сведений, ставших ему известными в ходе такого сотрудничества, и оплачивали довольно приличными суммами трудозатраты на этом поприще.

Родственники им гордились, жена обожала, маленький сын души в нем не чаял. Вскоре и Мохаммед осознал и по достоинству оценил свой потенциал ученого. И ему захотелось большего – работы в престижных университетах Европы или даже Америки, знакомства с ведущими мировыми учеными-ядерщиками и всех прочих благ, которые могли предоставить страны развитых демократий и открытых обществ. Ему стало душно в Иране с его запретами и ограничениями, постоянной угрозой войны и надсадной пропагандой. Но он был правоверным мусульманином-шиитом, патриотом своей страны и гнал прочь свои абсурдные, как поначалу ему казалось, мечты. Хотя почему абсурдные?! Ведь иранский академик доктор Али Акбар Салехи, бывший вице-президент Ирана, отвечающий за национальную ядерную программу, а ныне ìминистр иностранных дел страны, в свое время окончил не только Американский университет в Бейруте, но и Массачусетский технологический университет…

В Дохе – столице Катара – на конференции по современным методам диагностики раковых заболеваний, которая проходила в комплексе современных павильонов Выставочного центра, Мохаммед Салами выступил с небольшим сообщением на заседании одной из секций.

В перерыве к Мохаммеду подошел улыбчивый американец, на вид которому было немногим меньше сорока, и дружелюбно протянул руку.

– Здравствуйте. Мы с вами не знакомы, поэтому разрешите представиться. Меня зовут Майкл. В отличие от того словоблудия, которое я здесь слушаю уже второй день, ваше выступление было достаточно интересным и предметным.

– Добрый день. – Иранский ученый слегка пожал протянутую руку. – Вы американец? – осторожно поинтересовался он, испытывая явное недоверие ко всему тому, что было связано с США.

– Да. Вас это пугает?

– Нет, но…

Кто же признается в том, что кого-то боится? И все-таки что-то настораживало в этом улыбчивом светловолосом мужчине, поэтому иранец несколько медлил с началом разговора.

Но поговорить очень хотелось. Ведь хорошее мнение о своем выступлении приятно услышать от любого. И он отважился на продолжение диалога.

– Вы тоже будете здесь выступать? – поинтересовался Мохаммед.

– Нет, я врач. Кое-что понимаю во флуоресцентной диагностике рака, медицинских радиоизотопах и других современных методиках и способах лечения этой заразы, но мои познания в атомной физике ограничились школьным учебником.

– Как же вы смогли оценить мой доклад? – удивился ученый.

– Оценил не я, а мой приятель – специалист по ядерной физике.

– А что он делает на этой конференции?

– Его жена больна. Подозрение на рак. Она этого еще не знает, но он привез ее в Катар, чтобы показать специалистам. Ведь сюда съехались многие светила диагностики. Сейчас она в клинике, а его я затащил на конференцию всего на пару часов. Он сам захотел послушать кое-что о новых методах диагностики и лечения злокачественных опухолей.

Мохаммед недоверчиво посмотрел на Майкла. «Неужели в Америке нет хороших специалистов по раковым опухолям?» – подумалось ему.

– У нас это очень дорого стоит, а медицинская страховка не покрывает всех расходов, – словно уловив сомнения перса, продолжил американец. – Но я не об этом. Мой друг хотел бы помочь вам сделать публикацию в каком-нибудь профильном американском журнале. Если вы, конечно, не против.

– С чего это вдруг? – искренне удивился ученый. – Ведь мы абсолютно не знакомы.

– Знаете, он уверен в том, что тучи мусора из банальных идей носит ветер, а действительно ценные мысли уникальны, если хотите – это раритет, который прячется в головах. Неординарных головах, – американец широко улыбнулся.

– А где ваш друг сейчас? Он бы сам мог сделать мне такое предложение… – поинтересовался иранец.

– Полагаю, он обязательно сделает это лично. Но сейчас ему позвонила жена, и он срочно уехал к ней в госпиталь.

– Но…

Не давая собеседнику ответить, американец продолжал:

– Вы молоды, и в ваших мозгах есть несколько креативных идей. Если вам дать возможность развиваться, их будет еще больше. Ну как, согласны?

– Да, но…

– Никаких «но»! – С доброжелательностью, которая не терпит возражений, сказал как отрезал американец.

– Но нам нужно определиться с конкретной темой для публикации… – несмело заметил Мохаммед.

– Безусловно. Конференция заканчивается сегодня, послезавтра я улетаю. У вас впереди две ночи и один день, чтобы подготовить расширенный список тем и набросать тезисы хотя бы к основным из них. Помните, они должны касаться наиболее актуальных и перспективных вопросов по самому широкому кругу ядерной энергетики. Ведь вы же занимаетесь не только медицинскими аспектами этой проблемы. Жду от вас звонок завтра утром. И договоримся о встрече, – весело подмигнул американец.

– О встрече?

– Конечно. Как у нас говорят: лицом к лицу – и выявляется истина.

С этими словами Майкл достал из портфеля изящную «под серебро» визитницу, вынул свою бизнес-карточку и передал ее несколько ошалевшему от неожиданности Мохаммеду.

«Доктор Майкл Д. Слинч. Частная клиника, Вашингтон (округ Колумбия), моб. тел. – +1—202-……, E-mail – ……» Прощаясь, он пожал Мохаммеду руку и, словно давнего приятеля, дружелюбно похлопал по плечу.

– До встречи.

* * *

– Ну, как ты думаешь, клюнул этот иранец? – спросил лысеющий, лет пятидесяти пяти поджарый американец с короткими, безукоризненно подстриженными усиками – этаким элегантным серебристо-белым мотыльком под носом. Он неторопливо цедил сквозь трубочку прохладный, с приятно-легкой горчинкой освежающий безалкогольный коктейль. От жары этого вальяжного иностранца спасала косая тень высоких раскидистых пальм, высаженных недалеко от бассейна, и снежно-белый халат с вышитой золотой нитью эмблемой гостиницы «Марриотт». Теплый предвечерний бриз, веющий с залива, мягким перышком ласкал кожу. Успокаивающе-негромко журчали небольшие фонтанчики, бившие прямо из чаши мелкой части бассейна. Однако для полного счастья этому господину явно недоставало хотя бы чуть-чуть виски в его коктейле. Но ваххабитский Катар – страна с очень строгими запретами на алкоголь – пойло дьявола, и с этим нельзя было не считаться.

– Дэни, об этом я скажу тебе завтра утром, – ответил ему Майкл.

Устроившись в шезлонгах у открытого бассейна отеля «Марриотт», американцы – Дэни Маккоул, тот, что постарше, и Майкл Слинч, который помоложе, – томно глазели на фланирующую у ресторана публику – мужчин в длинных белоснежных одеждах, у которых, по мусульманской традиции, даже руки по самые кисти были скрыты от сторонних взглядов, и женщин, с головы до пят одетых во все черное. У некоторых даже небольшие прорези-«бойницы» в никабах были прикрыты черной вуалью, чтобы скрыть глаза.

Живое разноцветье в однообразный черно-белый прикид взрослых вносили шумные разновозрастные ребятишки, одетые в цветастые и легкие, абсолютно европейского покроя платьица, майки и шортики.

– Сейчас, наверное, этот бедолага сидит в своем номере…

– Кстати, я выяснил, он остановился здесь же, в «Марриотте», – неопределенно кивнул Майкл то ли в сторону девятиэтажного отельного корпуса с балконами, стоявшего прямо за бассейном, то ли в направлении возвышавшейся правее тринадцатиэтажной гостиничной панели, отливавшей сочной зеленью больших окон из зеркального стекла.

– …И набирает на своем ноутбуке уже двадцатую страницу, мечтая увидеть собственные статьи в наших научных журналах.

– А может, послал нас к черту и уже летит в Иран, – в тон своему соседу продолжил Майкл. – Помнишь, как тот парень из Хараджа, который наобещал нам кучу всего, а сам сделал ноги.

– Все ослы поводят ушами. Давай не будем о грустном. Просто наберемся терпения и подождем до завтра. А все-таки, что ни говори, напор и обаяние берут свое.

– Плюс умение ненавязчиво польстить человеку и много, очень много пообещать. На Востоке без этого нельзя.

– Да-да, ты был неподражаем. Я наблюдал за вашим диалогом. И хоть не слышал слов, но у этого парня все было написано на лице.

Майкл повернул голову к своему собеседнику и продолжал слушать.

– Вначале наш незнакомец оторопел и даже немного испугался. Но тщеславие победило. Он явно считает, что в науке перерос стены своего университета и хочет подняться еще выше. Пять к одному – завтра он принесет тебе кипу своих опусов.

– Тогда у нас будет что почитать днем, над чем подумать ночью и как закрепить контакт с этим парнем на будущее… Но прежде всего понять, насколько он нам интересен в плане доступа к иранским ядерным объектам. Да и вообще определить реальные перспективы его научного роста и потенциальные оперативные возможности.

– А еще нужно оградить его от опеки иранских служб безопасности.

– Ты заметил что-то подозрительное? – слегка напрягся Майкл.

– Вроде нет. Но десять процентов населения Катара – этнические персы, из которых иранские спецслужбы вербуют свою агентуру. – Дэни Маккоул лениво потягивал коктейль.

Вальяжная расслабуха у бассейна под пальмами провоцировала фатический треп, и пожилой американец продолжал.

– А вот в их внутренние дела мы предпочитали не вмешиваться. Наверное, зря… За 22 года в тюрьмах САВАК сгинули около четырехсот тысяч иранских оппозиционеров. Но вырезать под корень внутреннее сопротивление режиму охранка так и не смогла. После событий 79-го года САВАК разогнали, но аятоллы создали по ее образу и подобию ВЕВАК – Везарат-э Отлают ва Амнийят-э Кешвар – Министерство информации и безопасности страны. Вот уж точно – все настоящее существует в прошлом… А еще в Иране есть Объединенный комитет специальных операций, а еще военная разведка, я уж не говорю о КСИР – Корпусе стражей исламской революции со своей Службой внешней разведки и Комитетом зарубежных операций. В общей сложности полтора десятка специальных служб… И знаешь, кое в чем они даже превзошли нас.

– В чем?

– В использовании патриотического угара народных масс в интересах собственной страны.

– И в чем же это проявилось?

– Вот тебе лишь один маленький пример. В 1979 году, во время захвата иранцами нашего посольства в Тегеране, дипломаты успели сжечь, а в основном измельчить на шредере практически всю секретную документацию – просто в труху ее превратили. Так вот, иранцы в те дни не только заложников захватили, но и собрали все эти мелкие бумажные стружки и несколько десятков местных ткачих в патриотическом порыве, заметь – бесплатно, собрали и склеили этот мусор, практически полностью восстановив тексты всех уничтоженных секретных документов!

– Ну и ну!!! Значит, нам есть от кого защитить этого иранского атомщика…

Американцы помолчали.

– Главное, чтобы Салами не оказался пустышкой.

– Держу пари, он уже имел контакты с какой-нибудь из своих спецслужб… Это нам тоже нужно иметь в виду.

– Дэни, а ты уверен, что он пойдет на сотрудничество с нами?

– Сам, конечно, не пойдет. Он не диссидент, не противник режима и уж тем более не предатель. К тому же его многое связывает со своей страной – семья, дом, работа, религия, культура. Да мало ли что еще. Думаю, и от нас, американцев, он не в восторге, но при случае был бы не против поработать где-нибудь в США. И от денег лишних не откажется… Что ж, поможем хорошему парню принять верное решение. Даже если он – подстава иранской разведки, мы вытряхнем из него какой-то минимум информации, перепроверим ее, а там решим, что делать с ним дальше. Понимаешь, в большой игре конкретный человек – ничто.

– Это ты о чем?

– О пушечном мясе, человеческом материале, серой солдатской массе, пешках войны… Как это еще называют? Все эти деспотии – Иран, Северная Корея, Китай, в меньшей степени Россия – практически всегда воевали числом, грудой своих тел заваливая окопы противника. В восьмилетней войне с Ираком иранские аятоллы забирали в армию пацанов двенадцати-тринадцати лет. Получи пластмассовый ключик от райских ворот – и вперед, воины Аллаха, на минные поля, собственной жизнью расчищать путь регулярной армии. При осаде Басры «живые волны» иранских подростков и стариков своими телами вымостили дорогу для основных ударных сил. Но все это зря, город выстоял… А что такое один человек?…

– Дэни замолчал, поставил на столик стакан с недопитым коктейлем, согретым его рукой и солнцем. – Так что не ученого мы должны переиграть, а иранскую спецслужбу, которая за ним стоит… – подвел он итог.

– По-твоему, – Майкл взглянул на собеседника, – Мохаммед просто песчинка в схватке ангелов и демонов?

– Похоже, что так. Только вот кто здесь ангел, а кто демон? По-моему, уместнее говорить о сатане и шайтане и о жестокой битве между ними за душу конкретного человека. Точнее – за информацию, которая есть в его голове, и за те дела, которые он сможет наворотить, став орудием тайных сил.

Задумавшись, пожилой американец взял стакан, потянул свой теплый, но все еще приятный на вкус безалкогольный коктейль.

– Знаешь, Майкл, с некоторых пор я стал понимать, что борьба спецслужб враждующих государств – это вовсе не битва света и тьмы. Это иезуитская и тайная война на истощение, в которой для достижения цели все средства хороши. Вопрос лишь в том, в чьих замыслах и поступках бесовщины больше.

– Но есть же, в конце концов, какие-то идеалы и ценности. Я понимаю, что демократия – не самое совершенное творение цивилизации, но ничего лучшего пока не придумали…

– А ты уверен, что исламскому миру нужен свет наших демократических идей и свобод? У них свое представление о жизни. Но драться за свои идеалы и они, и мы будем насмерть. И это знают в любой спецслужбе. А вот твоя песчинка об этом, может быть, даже и не догадывается. У нее свои жизненные планы, светлые мечты, сказочные иллюзии. Но когда человек попадает в сферу интересов враждующих разведсообществ и уж тем более находится в эпицентре их внимания, от него зависит лишь одно: сделать правильный выбор. Ошибка чревата многими неприятностями, а зачастую – и фатальными последствиями…

– Но ведь ему могут и не позволить сделать правильный выбор? Тем более что выбирать-то, судя по твоим словам, ему приходится между дьявольщиной и бесовщиной… А сам человек?! Что с ним после этого будет? Станет еще одним падшим ангелом?

– Вот это и есть самое интересное! Парадокс в том, что субъективно эта песчинка полагает, будто самостоятельно делает свой выбор. Но чаще всего это далеко не так. Сделать шаг в ту или иную сторону человека подталкивают конкретные обстоятельства. А создаем их мы – спецслужбы враждующих государств.

– Но ведь и мы сами можем попасть в жернова этих обстоятельств.

– Без этого невозможно. И надо сделать так, чтобы они не превратили нас в пепел. Если все сложится удачно, гонорар за риск, и, заметь, гонорар весьма высокий, мы получим на собственный банковский счет. В худшем случае все издержки и потери, включая героическую гибель, ЦРУ возместит нашим родственникам.

– Спасибо, конечно, нашему ведомству за доброту и заботу, но мне бы этого очень не хотелось… Пусть лучше я буду долго-долго получать жалованье, чем моей семье вручат посмертный орден на крышку гроба и компенсацию за потерю кормильца.

Глава 5
Разведка – принципы Макиавелли

Встреча затягивалась, спорных и нерешенных вопросов оставалось много, и потому гость посольства вновь вернулся к главной теме диалога – превентивному ракетному удару по ядерным объектам Ирана.

– А если кому-то из журналистов придет в голову мысль, хотя бы отдаленно напоминающая реальный ход операции, которую вы хотите осуществить? От непредвиденной утечки информации или преднамеренного слива тоже никто не застрахован…

– Первое: никакого слива и никакой утечки в силу сверхсекретности миссии и крайне ограниченного круга лиц, допущенных к ее проведению. – Американец уверенно и твердо излагал свою позицию как давно и тщательно продуманную. – Второе: для того, чтобы быть доказательным, этому догадливому журналисту нужна хоть какая-то фактическая основа. А ее не будет – об этом позаботимся мы с вами. И третье: даже озвученная в прессе догадка будет выглядеть чушью настолько глупой и неправдоподобной, что ее тут же высмеют, а скорее всего, просто забудут. В любом случае она утонет в реве буйной фантазии других журналистов.

– Ну а потом, когда произойдет событие, об этом вещем журналисте наверняка вспомнят.

– Пусть вспоминают и даже восторгаются. Конечно, это повысит его профессиональный рейтинг как аналитика, но по большому счету кому нужны догадки по поводу событий вчерашнего дня? Мир ценит и готов платить большие деньги не за туманные про-зре-ни-я, а за обоснованные и конкретные прогнозы, которые сбываются в режиме реального времени.

– Но в любом случае после ракетного нападения будет расследование. Иран может провести его сам, может привлечь международных экспертов.

– Назовите мне хоть одну чрезвычайную ситуацию, изучение и проверка которой ответили бы на все вопросы и предоставили объяснения, которые удовлетворили бы всех.

«К сожалению, это так, – подумал Гарушкин. – Хоть убийство Кеннеди, хоть гибель подводного атомохода «Курск» даже спустя многие годы оставили после себя уйму спорных вопросов».

– Уверяю вас, даже самое тщательное расследование данного инцидента не составит однозначной картины происшедших событий, – продолжал американец. – Если Иран проведет его самостоятельно, никто не поверит в объективность. А что касается международных экспертов, то через третьих лиц мы подставим персам лучших специалистов… наших специалистов. И все будет, как в цирке: чем больше и внимательнее вы следите за руками фокусника, тем меньше видите и понимаете. В большой политике всегда так – главное остается за кадром.

– Признаюсь честно, я не разделяю вашей уверенности.

– В каждом большом деле должен быть свой скептик. К тому же расследование может длиться годами. А пока эксперты будут спорить и опровергать друг друга, в мире произойдут новые события и еще более шокирующие скандалы… Люди просто забудут об этой бомбежке. Скажи, ну кто сейчас помнит израильскую операцию «Орхард» в сентябре 2007 года?

– «Фруктовый сад»?

– Да, «Фруктовый сад».

– Но ведь ты помнишь…

– Только потому и помню, что сам имел к ней некоторое отношение.

«Вот тебе и на!.. – подумал Гарушкин. – Мы-то поражались смелости и наглости израильтян, которые в пух и прах разбомбили ядерный реактор в Сирии. А собака-то, значит, вот где была зарыта… Выходит, налетчики чувствовали за собой мощную поддержку из-за океана. Хм, прочная спайка Иерусалима с Вашингтоном прослеживается едва ли не в каждой силовой акции Израиля, и вряд ли тут следует чему-либо удивляться…», – а вслух заметил:

– Обычно в детективах при поиске убийцы сыщики руководствуются принципом: ищите того, кому это выгодно. В данном случае выгодно Израилю и США.

– Совершенно верно. Но мы – США и тем более Израиль – здесь окажемся ни при чем. Это докажет весь ход расследования. А что касается России – ей абсолютно невыгодно бомбардировать Иран. Более того, ваше государство – тоже в какой-то мере окажется в позиции потерпевшей стороны. Ведь захвачено судно с российским грузом и в перспективе – явная угроза еще одного срыва контракта. В общем, как ни крути, Россия, как жена Цезаря, – вне подозрений. Кстати, страховое возмещение вы, конечно, получите полностью, – улыбнулся американец.

Слушая Джона, Николай Константинович вспомнил строчки из характеристики, которую дал этому церэушнику один из агентов влияния Службы внешней разведки, действующий в США: «… прагматик, конкретен в постановке задачи и упорен в достижении оперативных результатов, циничен, готов идти по головам, если они не покрыты звездно-полосатым флагом. При этом умеет располагать к себе собеседника, входить в доверие, энциклопедически образован, обладает аналитическим складом ума. Никаких сантиментов в том, что касается работы. Из всего спектра проблем выбирает и детально разрабатывает главные. Основываясь на большом жизненном опыте и глубоком знании оперативной обстановки, верно просчитывает логику развития как главных, так и сопутствующих событий и факторов. Отличается тем, что умело и органично встраивает оперативные мероприятия в канву текущих событий, надежно скрывая свою разведывательную деятельность. При необходимости способен подчинить ситуацию интересам достижения главной оперативной цели. В чрезвычайных обстоятельствах находит креативные решения возникших сложных вопросов…»

«И при этом искренний пафос во всем, что касается его страны и атрибутов государственности – герб, флаг, гимн, президент, – подумал о собеседнике Гарушкин. – Уверен, он всегда участвует в выборах и поет американский гимн не только перед футбольным матчем национальной сборной, но и дома, в кругу семьи, когда встречает Рождество. Но, черт возьми, в этом ему можно позавидовать…»

– Ракеты, которыми вы предполагаете нанести удар… кто за них будет платить?

Гарушкину показалось, что заокеанский собеседник ждал этого вопроса и даже воспринял его как недвусмысленное согласие на участие в акции.

– Мы не собираемся вешать эти расходы на Россию, деньги немалые, но в качестве доброй воли США могли бы возместить стоимость ракетных комплексов, которые будут задействованы в акции.

– Но как? Ведь это должна быть легальная и прозрачная финансовая схема, не вызывающая никаких подозрений и способная выдержать любую, самую придирчивую проверку.

– Безусловно. И вот наш план. Вам известно, что скоро американские войска будут выведены из Афганистана. Но мы не можем оставить безоружной армию этой страны. Сейчас им особенно нужны геликоптеры.

Поняв, к чему клонит американец, Гарушкин ждал конкретного предложения.

– Эти машины Пентагон уже закупает в России. Контракт на 21 вертолет подписан. Но ведь мы можем подготовить опцион еще на какое-то количество машин, так скажем, по м-м-м несколько завышенным ценам.

– Но конгресс порвет вас в клочья. Ведь США – одна из наиболее продвинутых вертолетостроительных держав, – решил раззадорить своего визави российский разведчик. – Компании «Боинг», «Сикорский», «Белл» захотят поставлять свою технику.

– Это так, но секретную операцию мы проводим ни с «Боингом», «Беллом» и «Сикорским», а совместно с вами. К тому же у нас есть веские доводы. Афганские летчики и техники уже давно привыкли к русским вертолетам.

«Что есть, то есть, – молча согласился гость. – Советские вертолеты поступали в Афганистан еще с 70-х годов, когда страной правил Мухаммед Закир-Шах. Винтокрылые машины на платформе Ми-8 стали основой вертолетного парка вооруженных сил этой страны. Афганцы продолжали успешно их использовать даже после выхода советских войск и падения правительства Наджибуллы».

Тем временем американец продолжал перечислять свои доводы.

– На сегодняшний день ваш многоцелевой геликоптер Ми-17В-5 оценивается примерно в пять миллионов долларов. Может быть, чуть больше или чуть меньше – это непринципиально. Мы готовы их закупать по пятнадцать – семнадцать миллионов, – Джон с увлечением развивал свою идею. – Понятно, это будет не разовый контракт.

– Тогда поставка затянется на несколько лет. А как же инфляция, удорожание материалов, энергоресурсов, трудозатрат… – Гарушкин сам не ожидал, что в нем вдруг проснется коммерсант. Чего ж не сделаешь в интересах родной державы в условиях рыночной экономики?!

– Конечно, все это будет включено в стоимость. Плюс ежегодное обслуживание машин, которое оценивается еще в три-четыре миллиона.

– Сколько же вы планируете закупить вертолетов в общей сложности?

– Не готов сказать.

– Джон, умолчание в России считается одной из форм лжи…

– Ну-у, примерно шестьдесят единиц, возможно, чуть больше. Суммарная стоимость сделки – свыше миллиарда долларов! Думаю, эта сумма покроет издержки на ракеты для бомбардировки ядерных объектов Ирана.

– Как знать… – уже в который раз за время встречи посольский гость отдал должное американскому прагматизму, расчетливости, агрессивной наступательности и умению заранее предвидеть и отработать детали.

– Почему США зациклились на Иране? – Гарушкин решил несколько расширить тему диалога. – Вопрос ведь не только в Иране. Усиление ядерного потенциала Пакистана происходит в условиях нестабильного политического режима в этой стране, да и во всем регионе.

– Пакистан не проповедует ядерный терроризм как государственную политику, – возразил американец.

– Однако армия этой страны наращивает свой ядерный потенциал не только как фактор сдерживания. При худшем для себя раскладе Исламабад все сделает для того, чтобы выдержать ядерную атаку и дать мощный ответ. И превентивный атомный удар с их стороны совсем не исключен.

– Право на адекватную, в том числе и активную, защиту еще никто не отменял. Это mainstream современной международной политики. Но я согласен, вопрос крайне важный и сложный. Пакистан – второе по количеству мусульманского населения государство. Подавляющее большинство – мусульмане-сунниты. Иран – государство шиитов.

– Вот и попробуй представить, – продолжал наседать Гарушкин, – что в 170-миллионном Пакистане, где 40 процентов прозябают в нищете, а часть территории контролирует талибан, произойдут массовые беспорядки. И кто даст гарантию, что пакистанское ядерное оружие не окажется в руках радикальных исламистов? Представляешь, что тогда будет?

– Весь этот регион труднопредсказуем. Еще в 1972 году бывший президент Пакистана Зульфикар Али Бхутто заявил: «Мы будем делать атомные бомбы, даже если нам придется есть траву». Вот так, сказал и сделал. Правда, потом его повесили…

Американец замолчал, словно обдумывая, развивать ли дальше острую тему. Возникшей паузой воспользовался Гарушкин.

– Так почему же весь свой праведный гнев вы обрушили на Иран, а не на Пакистан?

– Не совсем так. Когда в 1990 году Пакистан начал разработку своего ядерного оружия, мы ввели против него ряд санкций и отказали в военной помощи. Но вскоре поняли: если мы не можем остановить ядерную программу Исламабада, то можно попытаться хотя бы ее контролировать, а еще лучше – управлять процессом… Знаешь, за это признание меня не только снимут с должности, но и отправят в тюрьму за разглашение государственной тайны.

– Не такая уж это и тайна, – усмехнулся Гарушкин. – Недавно индийская газета «Times of India» сообщила, что строительство ядерного реактора в Кушабе велось на деньги США, выделяемые в качестве военной помощи.

«Черт возьми, в который раз убеждаюсь, что этот русский далеко не дурак. Весьма дозированно и точно использует собственную развединформацию, но ни разу не проговорился о своих конфиденциальных источниках, оперируя сведениями, полученными будто бы из анализа открытых материалов. Профессионал! Это не Хрущев, который в эмоциональном порыве мог свой башмак в ООН демонстрировать да кузькину мать вспоминать…»

В Джоне вдруг забурлила давняя злость на русских. Спрятанная где-то глубоко в подкорку, она уже давно клокотала и была готова вырваться наружу, и сдержать ее было ох как непросто. Эти медведи перестали быть советскими, но еще остались имперско-русскими.

Но, обуздав эмоции, он продолжил:

– Вся разница в том, что Пакистану мы доверяем как своему проверенному во время войны в Афганистане союзнику, а Иран – черная дыра с неуправляемыми политическими процессами, непредсказуемым режимом и неадекватными религиозными фанатиками-лидерами.

– Может быть, оно в некоторой степени и так, но союзники приходят и уходят, а глобальные интересы остаются, – заметил Гарушкин.

– O’kay. На этом фундаменте стоит весь мир и строится вся международная политика.

Беседа длилась значительно дольше запланированного времени и могла бы продолжаться, но пора было подводить итоги.

– Считаю, мы не зря потратили три с половиной часа. – В финале встречи Джон вновь взял на себя инициативу. – Могу я информировать свое руководство, что мы пришли к согласию и договорились о главном?

– Насколько я понимаю, выбора у нас нет. Президентские поручения не обсуждают, а выполняют.

– Вот и прекрасно, – американец довольно потер руки. – Я думаю, что все технические детали выполнения нашей миссии мы обдумаем самостоятельно, затем обсудим их и согласуем по телефону. Кстати, уже есть договоренность, что между нашими кабинетами будет действовать защищенная линия телефонной спецсвязи. По другим средствам связи – никаких разговоров на эту тему.

– Разумеется.

Оба разведчика – профи экстра-класса – с полуслова понимали друг друга и не заморачивались на мелочах.

– Рад был нашему личному знакомству. – Джон умышленно сделал смысловой акцент на слове «личному» и протянул Гарушкину руку.

– Взаимно, – лаконично ответил Николай, пожимая узкую и жесткую ладонь собеседника.

* * *

«И все же, не ввязываемся ли мы в глобальную авантюру, не подставляет ли нас Дядя Сэм, исповедующий законы Макиавелли? – продолжал размышлять Гарушкин, выезжая на «Ауди» из ворот американского посольства. – Подумать только, всего несколько лет назад мы с Соединенными Штатами были непримиримыми врагами, готовыми не на жизнь, а на смерть воевать друг с другом. А сегодня становимся друзьями-заговорщиками. Хотя почему сегодня? Тайная дипломатия всегда исходила из простой, очевидной, даже банальной, но очень важной мысли: у государств нет постоянных друзей и врагов, есть лишь собственные интересы. В политике именно они становятся во главу угла. В тридцатые годы, когда Советский Союз был фактически в мировой политической изоляции, пришлось поддерживать довольно тесные дипломатические и экономические отношения с фашистской Германией. Можно сказать, два отвергнутых миром государства вынужденно заключили временный союз. В годы Великой Отечественной войны нужно было выстоять и победить Третий рейх, и СССР пошел на союзнические отношения с американцами, англичанами и французами – непримиримыми классовыми врагами, «эксплуататорами трудового народа», которые всего за два десятка лет до этого воевали против молодой Советской республики. А после войны всем социалистическим лагерем Восточной Европы, Кубой, Северной Кореей, Вьетнамом, Китаем и еще Бог знает с кем сообща рыли яму мировому империализму…

Он глядел в боковое стекло машины на Москву, расцвеченную яркой, назойливо-броской рекламой, через которую с трудом пробивались очертания с детства знакомого города. Если Санкт-Петербург представлялся ему некогда роскошной, но теперь увядшей красавицей, чье лицо уже не скрашивал толстый слой косметики, которая шелушилась и отваливалась кусками потрескавшейся штукатурки, обнажая всю замшелую неприглядность ветхой старости, то Москва казалась ему новым русским – в малиновом пиджаке, с килограммовой голдой на шее, куриными мозгами в котелке и баксами в зенках. И лишь где-то глубоко-глубоко, в маленьких переулках и двориках, в окнах последних коммуналок и разваливающихся хрущевок едва тлеющим лампадным огоньком еще теплилось что-то святое и светлое в этом городе.

Глава 6
Женевьева Дюваль

Определенно Женевьева была не из тех обворожительных созданий, которые смущаются и краснеют, когда их целуют. Не относилась она и к тем полоумным феминисткам, которые в ответ на недвусмысленные мужские домогательства вызывают полицию или подают исковые заявления в суд о защите чести и достоинства, а то и по обвинению в сексизме. Давая отпор сексуальной назойливости и откровенным ухаживаниям, она вряд ли могла выругаться и, тем более защищая себя, в ярости ударить или даже укусить своего обидчика. Эта барышня принадлежала к другой, самой опасной категории женщин – она смеялась. Смеялась и заманивала, увлекая ненавязчивым флиртом – легким, интригующим и многообещающим. Это кокетство было как полупрозрачное женское белье, скрывающее интимную потаенность, но соблазнительное, разжигающее воображение и страсть, манящее и даже обещающее доступность при соблюдении неких условностей и правил гламурных игр. И самцы всех возрастов, социальных статусов, уровней образования и воспитания не могли устоять перед этим умопомрачительным соблазном, новизной ощущений и чувством животной похоти.

О том, что Женевьева (Женька, как он окрестил ее для себя) была подставой французских спецслужб, Коржавцев, хоть и бывший, но не утративший оперативных навыков разведчик-профессионал, стал догадываться уже после третьей или четвертой встречи. Понятно, она не была кадровым сотрудником разведки или контрразведки, а выполняла деликатные поручения на финансовой основе и именовалась, как это принято в разведсообществе Пятой республики, «почетным корреспондентом», что, по сути, едва ли не полностью совпадало с ее журналистским амплуа. Если бы подобный контакт возник в Конго или Бельгии, где Коржавцев несколько лет назад работал под различными прикрытиями, являясь офицером еще советской разведки, он был бы обязан сразу после первой встречи с местным журналистом проинформировать своего резидента об этом факте, но в «Военвнешторге» требования не были такими строгими, и он даже не подумал сообщить о контактах с Женевьевой представителю службы безопасности своей компании. Полагаясь на прежний опыт оперативной работы, он был уверен в том, что сам разберется со всеми нюансами сложившейся ситуации, к тому же извлечет много плюсов и для своей нынешней профессиональной деятельности, и лично для себя. Не входило в его планы и делать тайны из этих встреч, более того, при каждом удобном случае не без гордости и самодовольства он показывал руководству позитивные публикации своей шерочки о российско-французском военно-техническом сотрудничестве в национальных средствах массовой информации. Начальство восторженно принимало эти заметки, поскольку за них не нужно было платить несколько тысяч евро как за рекламные материалы, и с радостью отправляло французские и даже зарубежные иллюстрированные издания со статьями в несколько газетных колонок или журнальных страниц профессионально подготовленного текста в московский офис компании в качестве весомых дополнений к отчетам о проделанной работе.

Очередная встреча произошла спонтанно в конце октября в пресс-центре военно-морского салона Евронаваль в парижском пригороде Ле-Бурже.

Они увиделись, как старые друзья, чмокнулись в щечку и тут же, в пресс-баре за чашечкой кофе, обменялись новостями по выставке. Поговорить было о чем. Всех взбудоражил крупнейший за последние годы тендер на строительство четырех десантных вертолетоносных кораблей-доков для ВМФ России. Со времен Великой Отечественной войны страна не делала таких масштабных военных закупок за рубежом. Претенденты – кораблестроители

Испании, Голландии, Франции и Южной Кореи – в нервном напряжении ожидали вскрытия конвертов и объявления победителя. По слухам, все уже будто бы было определено, а тендер был лишь ширмой для прикрытия давно принятого решения и сугубо формального соблюдения законности сделки. Политика, как это часто бывает, шла впереди экономики и здравого смысла, а потому контракт на строительство должен был достаться французам, предложившим свой ДВКД типа «Мистраль». Никто толком не мог объяснить, зачем вообще российскому флоту нужны эти огромные десантные посудины и какую задачу в рамках оборонительной военной доктрины РФ будут решать корабли наступательного действия, призванные десантировать на сушу воинские части в количестве от 450 до 900 человек, нести авиагруппу в 16 боевых и транспортных вертолетов, быть командным центром или плавучим военным госпиталем.

– Это правда, что Россия закажет корабли во Франции, чтобы отблагодарить Саркози за его позицию в пятидневной российско-грузинской войне 2008 года? – Как всегда, Женевьева хотела выяснить подоплеку того или иного события.

– Что-то я не улавливаю связи, – Виталий слегка напрягся, почувствовав, как из него пытаются вытащить информацию весьма специфического свойства, и, как обычно в таких случаях, ушел от прямого ответа. – Уж если кто и должен благодарить Саркози, так это НАТО за окончательное возвращение Франции в военную структуру Североатлантического блока.

Журналистка тут же уловила правила игры, обозначенные собеседником, приняла их и продолжала двигаться к своей цели.

– Ну как же, в разгар конфликта именно Саркози выступил с посреднической миссией. И ему, как председателю Евросоюза, удалось склонить воюющие стороны к соглашению о прекращении огня. Общий итог – окончание боевых действий.

– А в это время весь мир лицемерно обвинял Россию в развязывании войны…

– Саркози говорил лишь об избыточном применении силы со стороны русских. Но Россия тоже хороша. Это ваш министр обороны придумал название операции «Принуждение Грузии к миру»? Между прочим, «Принуждение к миру» – это формулировка из наставления Объединенного комитета начальников штабов США за 1995 года.

– На выборы Ельцина в 1996 году мы шли со слоганом «Голосуй сердцем». С похожим лозунгом пришел к власти Гитлер… Одно тебе скажу: идиотов и сволочей в России не очень много, но расставлены они в самых нужных и ответственных местах. Взять хотя бы кризис в системе российского образования. Усилиями министра высшая и средняя школа опущены до уровня табуретки, что прежде всего отразилось на тех, кто рвется к власти и деньгам. Они почувствовали это, а потому и стали отправлять своих детей учиться за границу…

– Мы отвлеклись. Давай вернемся к нашей теме. Саркози был против жесткой позиции Англии, Швеции, Польши, прибалтийских государств. Они ведь требовали введения санкций против России. Но благодаря президенту Франции удалось выработать единую позицию Евросоюза, направленную на продолжение сотрудничества с вашей страной.

– И при чем тут заказ на строительство кораблей? – хитро и дурашливо прищурившись, Коржавцев продолжил игру «под китайского болванчика».

– Перестань глупить, – рассмеялась Женевьева. – Еще скажи, что ты ничего не слышал о плане двух президентов – «Медведев – Саркози»…

– Как же, шесть пунктов, последний из которых неточно перевели, и возникли разногласия, – хихикнул Виталий.

– Ну, об этом я писать не буду… Пока… Но объясни, зачем вы берете «Мистраль», изначально спроектированный для действий в южных широтах? В отличие от южнокорейского корабля, у него нет даже усиленного обвода носовой части и бортов, чтобы проломить лед хотя бы толщиной в полфута-фут. Насколько я знаю, Россия – северная страна, аквато-

рии многих портов зимой замерзают… И габариты вертолетных лифтов «Мистраля» малы для ваших геликоптеров Ка-52К и Ка-29.

– Расширшим, углубим, подымим, наварим… А мистраль – это холодный северо-западный ветер, так что как раз для нас, – хотел отделаться шуткой Коржавцев. Но, увидев обиженную гримасу француженки, заговорил более серьезно и деловито.

– Послушай, для тебя не секрет, что Франция входит в пятерку крупнейших стран – экспортеров продукции военного назначения. При этом Россия занимает лишь одиннадцатую строчку в списке покупателей французских вооружений.

– Это объяснимо. На долю оружейного импорта приходится только один-два процента стоимости всех заключенных Россией контрактов в сфере военно-технического сотрудничества с зарубежными странами.

– Правильно. Мы работаем с «Талесом», «Некстером», «Ренк Франс», «Сажемом» и другими вашими компаниями, но, дай бог, если закупаем французской военной техники и комплектующих всего-то на сто миллионов евро в год. Это же копейки. Продавайте нам действительно современное оружие, новейшие технологии – и обороты значительно возрастут.

– Вы считаете «Мистраль» современным оружием?

– Не столько сам корабль, сколько его начинку… Например, боевая информационная управляющая система «Зенит-9» уступает только американскому аналогу. Хотя технология строительства таких вертолетоносцев тоже интересна.

– Тем не менее выстраивается очень занимательный контекст. – Женевьева продолжала гнуть свое. – Президент Франции поддержал Россию в весьма непростой политической ситуации. За это его нужно отблагодарить…

– Дать взятку, – хихикнул Виталий и процитировал исковерканный французскими острословами предвыборный лозунг Саркози. – «Вместе будем платить за его повышение».

– Смешно, но это старая шутка, – парировала журналистка. Как и любой француз, она любила отпускать язвительные колкости по поводу родной страны и власти, но терпеть не могла, когда это делали иностранцы.

– К тому же, – продолжила она, – нечто подобное уже сделал Муамар Каддафи. Говорят, он отвалил на предвыборную кампанию Саркози полсотни миллионов евро.

– В российском госбюджете нет строки «на подкуп иностранных президентов».

– Поэтому вы и делаете грандиозный заказ французским кораблестроителям, которые в 2007 году мощно поддержали Саркози на президентских выборах. Это весьма умный, тонкий и деликатный ход. Даже если захочешь – не подкопаешься. Да и сумма больше миллиарда. Я права?

– Опускаюсь на колени перед вашей проницательностью, мадам. Но имей в виду, я тебе этого не го-во-ри-и-ил… И вообще у нас есть пословица: «Меньше знаешь – крепче спишь». А вторая фраза – из западных боевиков. Там во время убийства жертвы киллер повторяет одно и то же: «Он слишком много знал…»

– И что?

– Так это про тебя. Женевьеву Дюваль, как и Жанну д'Арк, будут мучить допросами, а потом пять часов сжигать на костре и трижды подкладывать дрова, чтобы ни одной косточки не осталось.

– В музее Шинона, если ты не знаешь, сохранились три банки с обугленными останками Девы.

– Знаю. Это кости какой-то мумии и египетской кошки. Спектральный анализ показал и тест на ДНК…

– М-да?.. Зато, может быть, через пятьсот лет меня, как и Жанну, сделают святой…

– Но тебе от этого не будет легче.

Как часто бывает, серьезная тема увенчалась шуткой, а после была легкая, ничего не значащая светская болтовня: чуть-чуть о мерзкой погоде октября, немножко о политике и новинках военно-морской техники, представленной в экспозиции выставки разными странами, московских и французских сплетнях и прочей ерунде. Потом вдруг выяснилось, что они уже опаздывают на закрытую презентацию перспективной французской атомной подводной лодки «Барракуда», которую на своем стенде проводила кораблестроительная корпорация DCNS. Едва успев на встречу и добросовестно записав на диктофон выступления представителей фирмы, они вместе с узким кругом приглашенных гостей подошли к барной стойке, расположенной прямо на стенде. Вышколенные длинноногие девчушки в легких блузонах, стилизованных под форму французских ВМС, и коротких юбках, которые заканчивались, еще не успев начаться, разносили шампанское, предлагая бокалы всем участникам презентации.

– Конечно, это не «Вдова Клико», но все-таки что-то стоящее, – заметил Виталий.

– Да, неплохое шампанское, – согласилась Женевьева.

Пройдясь по всем темам светского разговора еще за кофе в пресс-баре, сейчас каждый из них ожидал, кто первый и в каком ключе заговорит о перспективном подводном атомоходе Франции. Женевьеве не терпелось узнать мнение ее русского друга, а для Виталия это был еще один тест, который поможет расставить точки над «i» и черточки над «t» в вопросе о сотрудничестве журналистки с французскими спецслужбами. Ему очень хотелось понять, изучает ли она его как кандидата на вербовку, сама подставляется как потенциальный двойной агент или, чего он особенно желал, в основе их отношений сугубо личные чувства, а все остальное – комариная плешь его подозрительности.

– Ну и как тебе эта рыбка? – не выдержала журналистка.

– Ничего, зубастая. Знаешь, чем барракуда отличается от акулы? У нее нижняя челюсть длиннее верхней и сильно выдается вперед, – как обычно, он попробовал уйти от ответа, но не потерять нить разговора.

– Вообще-то я о субмарине…

– А-а-а… У нас подлодки с названием «Барракуда» проектировались во времена СССР в Ленинграде. А на заводе «Красное Сормово» в Горьком построили две атомных «Барракуды» из титана еще в середине 80-х годов прошлого века. По своим характеристикам они до сих пор превосходят некоторые многоцелевые атомные подлодки мира.

– Послушай, так это одна из тех лодок, которая в девяносто втором году протаранила своей рубкой днище американской субмарины «Батон Руж»?

– Откуда ты все знаешь? – Виталий искренне удивился.

– Профессия обязывает… Я готовила материал об этом. Русская подлодка незначительно повредила рубку, а на американском атомоходе возник пожар, один человек погиб. Это была субмарина типа «Лос-Анджелес». Она кое-как добралась до базы, а вскоре ее списали.

– Точно! С тех пор на рубке нашей подлодки, кстати, она называлась «Кострома», нарисовали звезду с цифрой «один». В годы войны так отмечали количество уничтоженных фашистских кораблей, – не без гордости добавил он и продолжил: – Фактов столкновений подлодок было немало. Году, кажется, в шестьдесят девятом американский атомоход «Гэтоу» наткнулся в Баренцевом море на советскую атомную подводную лодку К-19. Тогда американцы уже были готовы дать залп ядерными торпедами по нашему кораблю. Только через пять лет они признали, что зашли в советские территориальные воды.

Разговор увлек обоих, а доверительность в общении на деликатную тему, о которой обычно предпочитают молчать, непроизвольно рождала ответную, еще большую откровенность.

– В нашей истории тоже были подобные факты. Совсем недавно в Атлантике французская субмарина типа «Триумфан» столкнулась с английской «Вэнгард». Представляешь, оба атомохода с ядерным оружием на борту – всего 32 межконтинентальных баллистических ракеты. Взрыва бы не произошло, но утечка радиации, гибель экипажа, потеря обеих субмарин и ракет были вполне реальны.

Виталий внимательно слушал. Ему было интересно знать, продолжит ли его собеседница щекотливую тему. За подробностями этого совсем свежего ЧП охотились многие, а Женевьева наверняка знала больше, чем сообщалось, причем довольно скупо, в прессе двух стран.

– Что-то мы заговорили о грустном. Одного не могу понять, зачем презентовать атомные подводные лодки, если их запрещено продавать другим странам?

«Вот так, – оценил последнюю фразу своей собеседницы Коржавцев, – поманила, увлекла, заинтриговала и весьма мило бросила, оставив запретную тему на пике интереса… Слов нет, профессионально работает и, судя по всему, тоже меня проверяет. Ну, давай-давай… Я тоже подсуну тебе клубничку со сливками».

– Продавать атомные подлодки нельзя, но их можно передать другим странам в лизинг или в аренду.

– Свою атомную «Нерпу» вы отдаете в аренду Индии на десять лет почти за миллиард долларов. Кстати, ее долго будут ремонтировать после пожара? Индия не потребует от вас неустойки за срыв сроков передачи субмарины? Или, может быть, вообще откажется от контракта после гибели двадцати русских моряков и специалистов?

«Да, вцепилась мертвой хваткой и пошла ва-банк… Целый разведывательный опрос мне учинила», – отметил Виталий.

– Не волнуйся, там все под контролем.

– Слушай, хочу подарить тебе одну идею… За бокал шампанского от DCNS, – она игриво улыбнулась. – Вы уже лет пятнадцать не можете довести до ума свой подводный атомоход «Ирбис» проекта 971 «Щука-Б».

– И что… – насторожился Коржавцев.

– Так достройте его за счет Индии и передайте им в аренду. И субмарину сделаете, и денег заработаете. А после индийских ВМС атомоход еще и России лет десять послужит, а то и больше. Опыт подобных сделок у вас есть – модернизацию авианосца «Горшков» для Индии уже скоро закончите, причем на средства индусов.

«Бог мой, в информированности этой даме не откажешь! Много чего знает, но хочет знать еще больше», – думал он, подавая ей бокал шипуче-игристого вина.

– Твоя идея стоит целого ящика шампанского. Передам ее руководству… Свои атомные «Барракуды» Франция тоже кому-то в аренду сдаст? Китаю, например…

– Нет. Обе субмарины – «Сюффрен» и «Дюге-Труен» – мы для себя строим. В 2017 и 2019 годах они будут переданы национальным ВМС. А всего по этой программе к 2027 году должно быть принято в состав нашего флота шесть подводных атомоходов.

– Аплодирую вашим успехам.

– Вы, русские, любите в ладоши хлопать. Сначала на съездах компартии овации своим генсекам устраивали, потом выступления неугодных депутатов «захлопывали», теперь, когда на пассажирском самолете удачно приземлились…

– Радуемся, что живыми долетели…

– А когда покойников-артистов в гробу выносите? Аплодируете, что помер?

«Ох уж эти французы! – усмехнулся Коржавцев. – В генах каждого из них сидит Рабле и Пьер Ришар». А вслух ответил:

– Нет, оттого рукоплещем, что еще один законный повод выпить появился. А на поминках в России наливают по полной, и пить нужно до дна…

Чуть призадумавшись, он вспомнил еще один повод в тему для очередной ответной колкости.

– Кстати, папу римского Иоанна Павла II тоже под аплодисменты хоронили…

– Да, а над Центральной Америкой и Тихим океаном в этот день произошло солнечное затмение, – тут же парировала Женевьева. – В общем, везде свои особенности… А в Соединенных Штатах афроамериканцы на похоронах поют и иногда танцуют… даже президент. – Она вдруг погрустнела. – Там недавно одного хорошего парня хоронили, моего друга… Он погиб… нелепо как-то. – И, глядя куда-то в пустоту, продолжила: – Смерть вообще не бывает разумной и красивой… Его зверски убили… цинично и жестоко. Я разреветься была готова, а его родня поет и танцует, прямо у могилы…

Доверительно рассказывая иногда трогательные и грустные, иногда смешные и нелепые бытовые детали, которые есть в жизни каждой женщины и которыми можно без опасения поделиться даже с малознакомым мужчиной, она исподволь располагала собеседника к себе, мягко вызывала на ответную откровенность. Как опытный разведчик, Виталий прекрасно понимал это. Но чисто по-человечески он не мог среди праздничной суеты и шума морского салона отгораживаться от этой хоть и заранее отработанной во всех нюансах, но так профессионально поданной – едва отличишь от естественной – притворной театральности своей собеседницы. Поэтому он слушал ее, не демонстрируя дежурного сочувствия, не поддакивая банальной, ничего не значащей фразой и не меняя искусственно тему разговора. Она, видимо, ожидала встречной исповедальности, хотя два бокала шампанского, безусловно, не могли развязать Виталию язык; он и после бутылки виски мог прекрасно держать себя в руках, четко контролируя свои слова и действия. Алкоголь не превращал его ни в свинью, ни в петуха, ни в философа. Просто у него поднималось настроение, и иногда он был даже готов на всякие безобидные глупости, отчасти роднившие его в тот момент с обезьяной. Тем не менее в эту минуту он невольно погружался в призрачный флер обаяния Женевьевы, и сейчас ему захотелось напрочь отказаться от притворства и быть самим собой, осознанно понимая и принимая изысканную фальшь за чистую монету и без оглядки отвечая искренностью, теплом и участием. Вопреки всем канонам и правилам, усвоенным еще со времен обучения в институте имени Андропова, он незаметно, слово за слово, стал рассказывать о личном, наболевшем – скучном однообразии жизни, опостылевшей работе, своем втором браке, который так же, как и первый, оказался неудачным. До бурных сцен с женой, выяснения отношений и развода дело еще не доходило, но они все больше становились не только чужими, но порою ненавистными друг другу. И даже общий ребенок и жизнь за границей вдали от родных и друзей не сблизили их. Более того, замкнутость круга общения, труднодоступная роскошь хотя бы ненадолго побыть наедине с самим собой и дефицит возможностей отдохнуть друг от друга делали их сосуществование невыносимым.

А еще это безденежье… Нет, весьма достойный по российским меркам должностной оклад, надбавки в связи с работой за рубежом, секретность и прочие бонусы гарантировали весьма приличное существование даже в Париже и вдобавок позволяли кое-что откладывать на будущее в Москве. Но нынешняя жизнь в одной из самых богатых европейских столиц среди роскоши витрин и салонов лучших мировых фирм была сущим испытанием на зависть и постоянным стрессом: хотелось многого, но не было никакой реальной возможности получить все и сразу. Он мечтал отовариваться на верхних этажах Галери Лафайет и Принтемпс – самых дорогих магазинах Парижа с бесплатными шоперами и доставкой покупок на дом, но за редким исключением мог себе позволить покупать престижную продукцию элитных брендов только на распродажах и поэтому, как, впрочем, и все его окружение, с нетерпением ждал двадцатых чисел июня, когда начиналось грандиозное снижение цен на 20–30—50, а то и 70 процентов. Но этого было до обидного мало. Даже по такой почти демпинговой стоимости он не мог позволить себе и половины всего того, что хотел. А жить в центре Европы,

среди ослепляющей роскоши и не иметь возможности все это иметь – ему, уже попробовавшему однажды сладостный вкус богатой вседозволенности, было не-вы-но-си-мо-о-о-о…

Она слушала его не прерывая, а он остановился лишь тогда, когда почувствовал косые взгляды длинноногих девчушек в мини-юбках, которым нужно было убирать посуду и мусор после фуршета, но они терпеливо ждали, когда со стенда уйдут последние посетители.

– Кажется, нам пора. – Виталий взглянул на часы и допил последние капли шампанского.

– Да, уже поздно… Когда мы увидимся?

– Хочу, как можно скорее, но это не получится. Меня просто завалили работой – конец года… отчеты, подведение итогов и прочая хрень.

– У меня тоже много дел. А перед Рождеством будет несколько длительных поездок.

– А у нас еще длинные новогодние каникулы, видимо, в Москву придется лететь, хотя совсем не хочется…

– Ничего, время пройдет быстро. Вернешься – я тебе позвоню и увидимся.

* * *

В течение нескольких месяцев после встречи на Евронавале Коржавцев часто вспоминал тот разговор с Женевьевой, не уставая поражаться тому, какой она была разной, словно решетки на балконах и окнах парижских домов. Видимо, это и было в ней самым притягательным.

Как это ни странно, но он не жалел о своей откровенности, сказалась, наверно, дикая усталость от одиночества в толпе, и ему нужно было просто выговориться, а в Женьке он нашел понимающего слушателя. Для него это было необычно, раньше он не замечал за собой подобной слабости. И все же, кто она? Даже работая в разведке, Виталий не страдал шпиономанией, но сейчас, анализируя ситуацию, вполне допускал, что у его французской подруги есть, вероятно, какой-нибудь псевдоним, известный лишь ее оперативным кураторам, и факты биографии, которые она о себе рассказывала, не всегда и не во всем соответствовали действительности, и сведения, которыми она располагала, были не только из журналистских источников. Но работала она профессионально: тонко, ненавязчиво, даже как-то деликатно.

«Все женщины делятся на “дам”, “не дам”, и “не тебе дам”, – вспомнил он скабрезную шутку еще студенческих времен. – Да и черт с ней! Пусть она работает хоть на все разведки мира, вместе взятые, мне наплевать… Она будет моей!»

Глава 7
Искушение

Мохаммед Салами ликовал. Его заметили, его оценили! И не кто-нибудь, а американцы. Они, конечно, твари, но с их помощью надо попытаться сделать публикацию в каком-нибудь научном университетском сборнике США!

«Стоп! – скомандовал внутренний голос-оберег по имени Осторожность. – США – большой шайтан. Это может быть опасно…»

Мохаммед задумался. Нельзя сказать, чтобы он любил американцев. Они изрядно пакостят Ирану, инициируя запреты и санкции. К тому же он вспомнил свою подписку о неразглашении секретных сведений, которую дал спецслужбам Ирана.

«Ну и что? – нашептывал ему голос-искушение по имени Соблазн. – Речь идет не о военных секретах, а о научных статьях на открытые темы. К тому же на этих публикациях можно кое-что подзаработать, а главное – сделать себе имя, получить известность, научную перспективу, признание, возможность свободно жить и много зарабатывать хоть в Европе, хоть в Америке».

Сдав в секретариат конференции текст своего выступления, Мохаммед вышел из здания Выставочного центра, дождался автобуса и поехал в отель. Но по пути он вышел на одной из остановок в старом городе. Ему было просто необходимо побыть одному, погулять, собраться с мыслями.

Обдумывая ситуацию, молодой ученый не заметил, что уже несколько раз обошел вокруг изумительной красоты фонтана – огромной раскрытой раковины, внутри которой лежала гигантская – едва ли не метр в поперечнике – белая жемчужина идеально круглой формы.

В переводе с арабского Катар означает капли воды. Согласно старинной легенде, когда-то по воле Аллаха над заливом пролился благословенный дождь. Его капли упали в море и превратились в прекрасные жемчужины. И вот одна из них – самая большая, красивая и совершенная – теперь покоилась в журчащих струях воды внутри огромной раковины.

Впрочем, в европейской художественной традиции эпохи Ренессанса раковина с приоткрытыми створками и омываемой водой жемчужиной почти утеряла свой первозданный, принесенный из глубины веков горячим песчаным ветром смысл и означала совсем иное. Лукавое, вожделенно-похотливое женское начало этого символа в мироощущении Старой Европы было далеко от философско-метафорического сознания Ближнего Востока и в сравнении с ним казалось поверхностным и примитивно конкретным. Чистота, святость, женственность, возвышенность, талисман, оберег и даже Коран – вот что олицетворяют драгоценные перламутровые горошины в арабском мире. Для персов жемчуг – это еще и вдохновитель мудрых и красивых мыслей. Сокрытая в раковине жемчужина, словно потаенная истина, прячется в скорлупе коварства и лжи, и не многим дано пробиться сквозь этот порочный панцирь и, оставшись девственно чистым, открыть эту истину для себя и мира, понять ее и насладиться прелестью заложенного в ней смысла…

Разговаривая с Майклом в кулуарах конференции, Мохаммед конечно же не заметил ни контрнаблюдения со стороны второго американца, ни еще одного участника симпозиума с бейджем «Персонал», который внимательно следил за двумя беседующими иностранцами, всячески маскируя свой пристальный интерес. Как только ученый попрощался с американцем, ничем не приметный с виду наблюдатель несколько раз прошелся мимо Мохаммеда. Своим колючим и острым взглядом он старался незаметно прочесть имя и фамилию иранца на бейдже «Участник». Но пластиковая табличка на узкой синтетической ленте своей лице-

вой стороной уже давно была повернута (воля случая) к груди ученого, и незнакомец не видел ничего, кроме ее чисто-белой обратной стороны. Наконец дотошный соглядатай улучил момент, когда Мохаммед оказался среди небольшой, но достаточно плотной группы участников конференции. Человек протиснулся сквозь стоящих рядом людей и, пробравшись к ученому почти вплотную, рукавом пиджака как бы невзначай, но очень ловко зацепил бейдж объекта своего интереса, перевернув пластиковую карточку вверх лицевой стороной.

– Прошу прощения, – сказал он по-английски и улыбнулся. При этом его быстрый взгляд будто ненароком, но с фотографической точностью отфиксировал текст на пластиковой табличке: «Мохаммед Салами Университет «Малек Аштар» Иран».

– Нет проблем, – только и успел проговорить Мохаммед. Секундой позже, уловив знакомый персидский акцент в английской фразе незнакомца, он попытался окликнуть уходящего человека. – Вы из Ирана? – Но тот уже растворился в толпе, и через секунду-другую Мохаммед уже забыл о нем.

А обладатель цепкого взгляда, не теряя времени, прошел в оргкомитет, где, как всегда в дни работы конференции, царил всеобщий бедлам, и было удивительно, как при такой внешне абсурдной организации еще велась работа секций, читались доклады, проводились заседания «круглых столов», пресс-конференции и даже фуршеты, которые здесь были сугубо безалкогольными. И все это происходило без существенных накладок и сбоев.

Войдя свободно, как к себе домой, в штабной офис, мужчина спросил у первой попавшейся сотрудницы старшего администратора, а увидев его за соседним столом, попытался выяснить у этого растрепанного, потного, разрываемого звонками двух мобильных и трех-четырех обычных телефонов человечка, где можно найти Мохаммеда Салами – молодого ученого из Ирана.

Вместо ответа взмыленный растрепа, продолжая что-то кричать сразу в две, прижатые плечами к ушам трубки, протянул посетителю папку с наименованиями гостиниц и номерами, где размещались участники симпозиума.

Гостю только это и было нужно.

Перелистав бумаги, он быстро нашел то, что искал. А найдя и прочитав, задумался… Оказывается, иранец жил в одной гостинице с американцем Майклом Слинчем, за которым следил и пытался выявить все его «иранские» контакты любопытный обладатель бейджа «Персонал». Что это, случайное совпадение или…

«Прекрасно! Салами как минимум еще пару часов задержится на конференции, плюс час на то, чтобы добраться до гостиницы. Итого, у меня есть примерно три часа». Его мозги работали, словно многоядерный суперкомпьютер. «Самое трудное – это подобраться к номеру Салами. Но попробуем…»

Вернув папку с информацией об участниках конференции, человек поспешно направился к выходу из Выставочного центра, на ходу спрятав в карман болтавшийся на шее бейдж «Персонал». На автостоянке он без труда отыскал свой «Сузуки», привычным движением надел и застегнул белый мотошлем, который полностью закрывал голову, откинул защитное стекло, сунул в багажный бокс за задним сиденьем свой небольшой портфель-сумку на длинном ремне, надел перчатки. Через минуту он уже мчался в восточную часть Дохи – туда, где на берегу, рядом с яхт-клубом возвышался пятизвездочный отель «Марриотт». Вскоре он уже въехал на стоянку гостиничного комплекса, снял шлем и, достав портфель, быстрым шагом – то ли от жары, то ли разгоряченный быстрой ездой – прошел под козырьком гостиницы в главный вход и направился прямо к регистрационной стойке.

– Могу ли я дня на два-три остановиться у вас? – обратился он к дежурному менеджеру.

– Конечно.

– Мне бы хотелось взять номер 722.

– Именно этот номер?

– Да, именно этот.

– Секунду, я должен посмотреть, свободен ли он. – Улыбчивый менеджер пробежался пальцами по клавиатуре своего компьютера. – Сожалею, но он занят. – Услужливый сотрудник рецепции явно хотел помочь потенциальному клиенту и потому спросил:

– Извините, а почему вам нужен именно этот номер?

– Здесь живет мой знакомый, и мне хотелось бы поселиться рядом с ним.

– Еще раз извините за любопытство, а в каком номере живет ваш знакомый, – стараясь не быть чересчур навязчивым, спросил администратор.

– В 721-м.

– И его зовут…

– Мохаммед Салами. Он из Ирана, университет «Малек Аштар», – ответил посетитель, а про себя подумал: «А ты неплохо вышколен, парень, и хорошо научился проверять своих клиентов…»

– Тогда я с удовольствием могу предложить вам 720-й. Он рядом, и вы будете соседями. У вас есть багаж?

– Нет, только сумка, – и, чуть помедлив: – У меня к вам просьба, не говорите Мохаммеду, что я в соседнем номере. Пусть для него это будет приятным сюрпризом.

– О'кей!

Когда с формальностями было покончено, гость вошел в лифт, поднялся на седьмой этаж, открыл пластиковой магнитной картой дверь с табличкой «720» и вошел в номер.

«Отлично! Во имя Аллаха все идет отлично», – подумал он, когда подошел к окну с балконной дверью и увидел прекрасный вид на залив и причал морского клуба с шикарными белоснежными яхтами всех размеров и моделей, которые в гордом величии застыли у причальной стенки.

Широкие балконы опоясывали почти все этажи этого корпуса отеля «Марриотт». Перелезть через символическую перегородку, чтобы оказаться на балконе соседнего номера, не составляло никакого труда.

– Пусть так делает этот дурацкий Джеймс Бонд, – тихо проговорил с издевательской усмешкой постоялец номера.

С этими словами он достал из портфеля нож с невероятным количеством различных лезвий и даже электрическим тестером и присел на корточки перед смежной с 721-м номером стеной.

Внимательно осмотрев панель с двумя электрическими розетками, он сноровисто открутил пару винтиков, подцепил лезвием внешнюю планку, осторожно снял ее и заглянул в заполненное проводами энергетическое чрево. По его уверенным действиям было понятно – работает профессионал. Он прекрасно знал, что электрический провод и разводка внутри стены обеспечивают электропитанием оба смежных номера, а потому и проем в стене для розеток был сквозным. Извлечь звукоизолирующую прокладку не составило особого труда.

Достав из портфеля миниатюрный, чуть больше спичечной головки микрофон, человек осторожно приклеил его специальной пластиковой липучкой к внутренней стороне панели электрических розеток соседнего номера, а тонкий экранированный шнур с разъемом вставил в порт своего ноутбука. В соседние гнезда ПК он подключил наушники. Станция подслушивания была готова к работе. Затем к тому месту, где располагалась розетка со снятой панели, он пододвинул стул, на спинке которого уже висел его легкий пиджак, теперь прикрывший обезображенную стену, а на сиденье лежал ноутбук. Сейчас даже неожиданно вошедший в комнату человек не смог бы заметить подслушивающее устройство, не отодвинув стул. Тем не менее постоялец повесил на ручку внешней стороны входной двери номера табличку с ярко-красной надписью: «Не беспокоить!» Он удовлетворенно хмыкнул. Дело было сделано, теперь оставалось только ждать. Он взглянул на часы, затем на потолок, где

миниатюрная стрелка темно-зеленого цвета указывала направление на Мекку – святой для каждого мусульманина город. Затем умыл лицо и руки, расстелил на полу небольшой коврик, скинул туфли, надел куфию – маленькую белую молитвенную шапочку, похожую на тюбетейку, – встал на колени лицом в сторону Каабы и совершил намаз. «Аллаху акбар… Свят Великий Господь… О, Аллах, прости меня… Прибегаю к защите Всевышнего от проклятого сатаны… Мир вам и милосердие Божье…»

* * *

Полюбовавшись внушительной у подножия и почти невесомой, устремленной ввысь изящной спиралью минарета Катарского исламского культурного центра, увенчанного легкой ротондой и золотым полумесяцем на резном шпиле, Мохаммед вернулся в свой номер отеля «Марриотт» ближе к вечеру, когда уже смеркалось. Он успел поужинать в гостиничном ресторане, выпить чашечку крепкого кофе и теперь был готов к работе хоть на всю ночь.

Включив лэптоп, он стал перебирать файлы материалов своих научных исследований.

– Так, это не то, это тоже ерунда, а вот это может заинтересовать моих американских благотворителей, – приговаривал он.

В это время с другой стороны стены в номере 720 его сосед поправлял наушники, напряженно пытаясь разобрать нечленораздельное бормотание ученого.

– И вот эта ядерная проблемка будет интересна Дяде Сэму, – продолжал негромко бурчать себе под нос Мохаммед.

Уже через час работы он набрал около дюжины тем.

– Так, ну что ж. Одиннадцать позиций, – продолжал он свой негромкий монолог. – Это уже кое-что… Теперь надо хотя бы в общих чертах раскрыть каждую тему.

Его работа за компьютером оказалась не просто механическим подбором цитат, с помощью которых он хотел обозначить содержание подготовленных для американца тем. Нарезка абзацев выглядела кучей разнородных цветных стеклышек, которые редко согласовывались между собой и совсем не складывались в единую композицию с гармоничной цветовой гаммой. Предстояло собрать их в цельное мозаичное полотно – ясное, четкое, лаконичное и понятное, а главное – привлекательное по своей новизне и актуальности.

На эту работу у него ушло несколько часов, и спать он улегся лишь около пяти утра.

А за стеной его сосед тщетно пытался связать между собой в единое смысловое целое услышанные в наушниках разрозненные невнятные фразы. Это получалось с трудом. Но одно слухач понял наверняка: ученый готовил для американцев какие-то материалы, связанные с ядерной тематикой. И этого было достаточно, чтобы вплотную заняться Мохаммедом Салами. Ядерные секреты ни в коем случае не должны покидать пределы Ирана, тем более – уйти в Америку.

Определив по воцарившейся в наушниках тишине, что ученый лег спать, его сосед умылся и тоже рухнул в широкую, как вертолетная площадка, кровать. Спать ему предстояло в наушниках – он не мог пропустить момент, когда Мохаммед проснется и покинет гостиничный номер, чтобы встретиться со своим американским знакомым. И еще. Предстояло решить, каким образом можно было бы сорвать эту встречу и не допустить передачу материалов по ядерной тематике в руки американцев, которые, судя по всему, являлись сотрудниками ЦРУ. Об одном он сейчас жалел больше всего: у него под руками не было оперативной техники для дистанционного доступа к компьютеру ученого и несанкционированного копирования хранившихся там файлов.

* * *

Проснулся постоялец 720-го номера от громкого голоса в наушниках. Его сосед говорил по мобильнику со своим американским контактером. Видимо, Мохаммед Салами стоял у смежной стены, разделяющей два гостиничных номера, рядом с тем местом, где в отверстие для электророзетки был вставлен микрофон. Слышимость была отличная. Слухачу пришлось даже несколько убавить звук, чтобы не оглохнуть.

– Добрый день, Майкл. Это Мохаммед… Мы вчера встречались с вами на выставке.

– Да-да, Мохаммед, здравствуйте. Я узнал вас. Как дела?

– Все о'кей. Я выполнил вашу просьбу, подготовил несколько тем и отправил их вам по электронной почте. (При этих словах сосед из 720-го номера напрягся и с нетерпением стал слушать продолжение диалога.)

– Но мне бы хотелось получить не только перечень тем, но и основные тезисы по каждой из них. Сбросьте мне их по электронке.

– Конечно, тезисы я подготовил, но мне бы хотелось передать их лично, чтобы прокомментировать кое-какие позиции. Я даже распечатал эти материалы здесь, на ресепшине…

– Хорошо-хорошо, – перебил его Майкл. – Это мы обсудим позже. А сейчас давайте договоримся, где и во сколько мы встретимся.

– Можно у меня. Я живу в «Марриотте», номер 721. Это в…

– Нет-нет. Гостиница не лучшее место для таких встреч.

«Хитрый американец, – подумал про себя человек в наушниках, подслушивая телефонный разговор абонентов. – Ведь не сказал, что живет в этом же отеле…»

Тем временем Майкл продолжал:

– Давайте встретимся в лагуне Западного залива.

– Где это?

– Это новый район столицы. Далековато от центра, зато там тихо, красиво и мы сможем спокойно поговорить.

«Все сказал, – вновь отметил контролер разговора. – Только забыл упомянуть, что это один из немногих районов Дохи, где разрешено приобретать землю иностранцам. Именно здесь сотрудники ЦРУ чувствуют себя, как в собственной штаб-квартире».

– А где мы там увидимся? – спросил иранец.

– Ориентир – два совершенно одинаковых «ломаных» черных небоскреба-близнеца, которые стоят друг против друга с двух сторон трассы. Их невозможно не заметить. Недалеко указатель и поворот направо в сторону моря. А уже при въезде в лагуну есть автостоянка. Там оставите машину…

– Я поеду на такси.

– Ну, тем более. Отпустите такси у большой круглой клумбы, которую огибает дорога и симпатичный двухэтажный дом. Идите прямо под большую и красивую круглую арку. Она там одна, так что не заблудитесь. А потом прямо на мостик через лагуну. Это недалеко. Там мы и встретимся.

– Хорошо, договорились. А в какое время?

– Вам будет удобно часов в пять?

– Да, конечно.

– Ну, вот и прекрасно. До встречи. Жду непременно.

Глава 8
Париж, вербовка с привкусом любви

Через час с небольшим после звонка Женевьевы Виталий вышел из «черепичного» сада Тюильри и наискосок пересек площадь Согласия – самую большую в Париже.

Часами гуляя по городу, обычно это было в субботние или воскресные дни, когда не хотелось сидеть дома в ожидании очередной семейной свары, Виталий любил вспоминать истории, связанные с городскими достопримечательностями. Это тренировало память и помогало не только в пустом фарисейском трепе на официальных приемах и фуршетах, сопровождении наезжавших в Париж высоких гостей из России, но и для заведения новых знакомств.

Десять – пятнадцать секунд потребовалось Виталию, чтобы пересечь Рю де Риволи, обогнуть слева одну из самых фешенебельных гостиниц Парижа «Крийон», откуда в феврале 1923 году за буйный нрав с треском вышибли русского поэта Сергея Есенина (в парижском театре Дункана он не только читал «Исповедь хулигана», но и сам покуражился вволю в самых разных уголках французской столицы), пройти мимо американского посольства и еще прошагать метров сто по узкой улочке Буаси д'Англа, чтобы выйти на Фобур Сент-Оноре. Тут же, у здания, крышу которого венчал всадник на белом коне, он повернул налево и вот с правой стороны на углу с улицей Анжу гостиница «Кастильон». Небольшой, не очень дорогой и весьма приличный отель с рестораном на первом этаже, широкими, как полигон, двуспальными кроватями, телевизором, ванной и прочими удобствами в номерах на четыре звезды. Он занимал угловое здание и редко пустовал. Близость Лувра, Вандомской площади, Сены, Елисейских Полей, Тюильри и других достопримечательностей Парижа обеспечивала ему нескончаемый поток туристов.

Справа от входа за стойкой топтался портье, что-то обсуждая с посетителями. Ему и дела не было до элегантного, спортивного вида красавца мужчины средних лет с фирменным продуктовым пакетом в руке, который уверенно прошел по небольшому узкому коридору прямо к двум лифтам.

«Так, кажется, все нормально, – подумал Виталий. – Портье меня даже не заметил, а два молодых улыбчивых японских туриста, стоящие у лифта, больше озабочены собственной фототехникой и выбором ракурса для селфи в интерьере гостиницы, нежели мною».

Он пропустил вперед японцев, а сам сел в другой лифт, который как раз опустился на первый этаж. Выждав небольшую паузу, во время которой цепким взглядом еще раз окинул холл гостиницы – все спокойно, ничего подозрительного, – нажал кнопку с цифрой семь, затем кнопку принудительного закрытия дверей лифта (попутчики ему не нужны) и через несколько секунд, когда кабина остановилась, вышел из нее и спустился на один этаж ниже. Вновь сработал привычный со времен работы в разведке стереотип – незачем знать посторонним, даже случайным встречным, какой этаж ему действительно нужен.

Найти 624-й номер тоже не составило никакого труда – стрелки на стенах указывали, где и какие апартаменты расположены.

Виталий постучал в дверь с табличкой 624. Никто не ответил. Постучал сильнее, и дверь произвольно приоткрылась. Он вошел в небольшую прихожую и тут же с ног до головы увидел себя в большом зеркале, которое было напротив дверей. Справа, из ванной, доносился шум льющейся из душа воды.

«Она в ванной и специально не заперла замок, чтобы мне не стоять под дверью, как три тополя на Плющихе», – подумал он и сделал еще несколько шагов.

– Бонжур, мсье. – Высокий, крепкого телосложения мужчина, стоявший на балконе и невидимый до сего момента, вышел ему навстречу.

– Прошу прощения, я, кажется, ошибся дверью. – Виталий на автомате произнес банальную фразу, хотя прекрасно понимал: это был именно 624-й (счастливый – сумма последних двух чисел равнялась первому) номер. Он хотел повернуться, чтобы выйти, но тотчас услышал, как перестала шуметь вода в ванной, и в ту же секунду оттуда вышел еще один улыбчивый здоровяк, преградив ему выход из комнаты в коридор.

– Нет-нет, вы не ошиблись, – в голосе француза звучала категоричная уверенность, не предвещавшая ничего хорошего, – вы пришли именно туда, куда надо.

«Все! Писец!! Попался!!!» – резануло в мозгу.

Сопротивляться, затевать драку или громкий скандал было бессмысленно. Разница в весовых категориях и двойное численное превосходство незнакомцев оставляли Виталию мало шансов на бегство. И все же… попробовать стоит. Тяжелая бутылка шампанского в пакете давала ему некоторые преимущества. Пожалуй, он сможет вырубить стоящего рядом верзилу и выскочить из номера…

Но тут Коржавцев спиной почувствовал, как сзади появился кто-то третий, быстро вошедший в номер из коридора и на замок закрывший за собой дверь.

«Вот тебе и абздец!.. Окончательный и бесповоротный!.. Все пути к отходу отрезаны… Даже закричать, чтобы вызвать обслугу отеля, не получится – эти амбалы просто сотрут меня в пыль, а пыль развеют по ветру… И все же, была ни была… напоследок я устрою вам, ребята, и Березину, и Бронетемкин Поносец…»

– Виталий Васильевич, только давайте без идиотизма, – вновь обратился к нему человек, вышедший с балкона. Кажется, по выражению лица Коржавцева он уловил решительный настрой русского. – Мы не собираемся вас надолго задерживать. Давайте поговорим, обсудим кое-какие вопросы, интересные и вам, и нам, и мирно разойдемся.

«Так, он обратился ко мне по имени и отчеству. Значит, специалист по России и следил за мной не один день. Как же я этого не заметил?» Страха не было, только досада и злость на самого себя и собственное раздолбайство карябали мозг. «Где и когда я успел так лохануться?..»

– Кто вы и что вам от меня нужно? Я не имею чести знать вас.

– А мы изучили вас довольно неплохо. Уверен, и вы понимаете, что мы представляем французские спецслужбы.

– Я гражданин Российской Федерации, и мне нет никакого дела до французских спецслужб. – А про себя Виталий подумал: «Боже, как все примитивно, банально и глупо, будто в плохом кино… Понятно, что вы из спецслужб, а я даже никого не предупредил, где нахожусь». Но, продолжая действовать по заранее отработанной схеме на случай критической ситуации, он твердо заявил: – Я требую выпустить меня, я буду жаловаться на вас в наше посольство.

С этими словами он попытался вытащить свой мобильник из футляра на брючном ремне, но не успел. Находившийся позади здоровяк молниеносно заломил ему руку.

– Успокойтесь, не надо резких движений и, прошу, закончим эти дурацкие игры. К тому же, я уверен, после нашей встречи у вас не будет повода жаловаться в посольство.

Стоявший посреди комнаты француз, видимо старший по должности, подошел к Коржавцеву, достал его мобильный телефон и, глядя на экран, нажал несколько кнопок.

– О, да у вас тут один примечательный номер, – продолжил он. – Вот и появилась общая тема для разговора. Положите пакет на кровать и садитесь за стол. Побеседуем о нашей общей знакомой.

С этими словами он повернул мобильник и поднес его поближе к Виталию, чтобы тот мог видеть экран, на котором высветились цифры телефонного номера Женевьевы.

Повинуясь нажиму в спину и боли во все еще заломленной руке, Коржавцев сделал несколько шагов и опустился на стул. Наконец его рука была свободна. Пакет он поставил рядом на пол, но стоящий сзади качок взял его и положил подальше на кровать.

– Вот, полюбуйтесь. – Француз достал из небольшого портфеля и разложил перед Виталием дюжину цветных фотографий.

Студеная судорога сковала тело, лишь только он взглянул на сочные глянцевые отпечатки. Холодный пот выступил и будто заиндевел на его висках, выбеливая густые черные волосы. На столе небрежно лежали цветные снимки весьма приличного качества, хотя и с несколько размытым изображением по краям, – свидетельство оперативной съемки скрытой камерой со специальной оптикой. Среди продавленных сугробов подушек и простора измятых горячей плотью белоснежных простыней во всей наготе и бесстыдстве эротического экстаза застыл он. Именно он, а не «человек, похожий на Коржавцева». А вместе с ним в сумасбродном буйстве распутной оргии и непристойном похабстве развратных поз разметалось еще одно обнаженное тело. Ее тело…

– Ну, как вам эта фотосессия? – с явной издевкой спросил француз, пристально глядя на собеседника. – Парижские «Бешеные лошадки» вам бы позавидовали. Кстати, у нас есть и видео ваших сексуальных развлечений. Поверьте, оно впечатляет еще больше…

«Боже мой… все, кранты! – Страшное потрясение ломом раздробило его окоченевшее сознание – в крошку, вдребезги, в труху, в пыль. – Нет, это не просто залет… и даже не фиаско. Это полный шиздец! Впору молитву о спасении души читать…»

Коржавцев не мог побороть внутреннюю дрожь в теле и закрыл глаза.

– Но все это могло бы остаться нашей с вами тайной, если бы вы согласились выполнить некоторые наши просьбы сугубо конфиденциального характера, – слова француза отбойным молотком долбили мозг.

Незнакомец перешел на деловой тон. Собственно, ради этого момента спецгруппа уже несколько месяцев пристально изучала Коржавцева, установив за ним плотное оперативно-техническое и агентурное наблюдение.

Словно предвосхищая немой вопрос своего русского визави, француз назидательно продолжал.

– Вы, конечно, можете отказаться от нашего предложения, но в таком случае весь этот фото- и видеокомпромат попадет на стол вашему руководству. И тогда – прощай Париж… Извините, но, a la guerre comme a la guerre – на войне, как на войне… – Незнакомец в упор уставился на русского, пытаясь уловить и понять его реакцию. – Нет, вас, конечно, не расстреляют, в России мораторий на смертную казнь. И даже в Сибирь не сошлют – не сталинские времена. Но выгонят с работы, сделают невыездным, от вас отвернутся друзья, вы станете всеми презираемым изгоем и, в конце концов, или сопьетесь, или покончите жизнь самоубийством. Ни жена, с которой у вас прескверные отношения, ни маленький ребенок вас не спасут.

Ультимативный тон и жесткие фразы лягушатника методично кромсали замороженное сознание Виталия, который и так понимал всю безысходность своего положения. «Но зачем я нужен французским спецслужбам? Какую информацию они хотят от меня получить?» Теперь он ни на минуту не сомневался, что уже давно попал в поле зрения своих бывших противников по секретному ремеслу.

«Кто они? Откуда? – Коржавцев пытался лихорадочно собрать в кучу осколки разума, чтобы понять и оценить свое положение. – Из DPSD – Директората безопасности обороны, то есть военной контрразведки, в чью сферу входит борьба с незаконной торговлей оружием? Но ни я, ни «Военвнешторг» не имеем никакого отношения к черному оружейному бизнесу… Управление военной разведки DRM? Вряд ли. Их больше интересуют глобальные вопросы стратегического характера… Тогда, может быть, созданное недавно по указа-

нию Саркози DCRI – Центральное управление внутренней разведки, действующее в рамках министерства внутренних дел Франции? Но зачем я им? Все сведения, которыми я располагаю, лежат вне сферы интересов МВД… Значит, эти ребята из DGSE – Генерального директората внешней безопасности, ведущего внешнюю разведку и контрразведку… Черт поймет всю их запутанную систему разведсообщества…»

– Виталий Васильевич, может быть, у вас есть вопросы? Мы бы с удовольствием на них ответили. – Полностью контролируя ситуацию и чувствуя свое превосходство, собеседник тем не менее изображал корректность и по возможности старался быть учтивым.

«Нет, только не сдаваться! Надо что-то делать… Делать – елать – лать – ать твою мать!»

– А видео можно взглянуть?.. – Он ляпнул первое, что срыгнулось на язык, и сам не узнал своего голоса.

– Как-нибудь в другой раз… – Глаза француза прищурились, пронзительный взгляд сверкнул удивлением и беспокойством. Что еще отколет этот русский?

– Боюсь, что другого раза может и не быть… – Он откашлялся, чтобы хоть как-то восстановить голосовые связки. – Или ваше начальство с Мортье не дало санкцию на демонстрацию сидишника с этой записью?

Французы озадаченно переглянулись. Откуда иностранец узнал, что они из DGSE? Ведь неспроста он назвал улицу, где находится их штаб-квартира?

Этот нюанс в поведении противников не ускользнул от Коржавцева.

«Ага, лед тронулся, мсье!» Его замороженные мозги враз разогрел кураж! Нахраписто и нагло он пошел ва-банк!

– Знаете что, а подарите-ка мне на память о нашей встрече вот эту… – он ткнул пальцем в самый вульгарный и непотребный снимок, – эту и вот эту фотографии. А то жена начинает ворчать и на ночь глядя подсовывать мне «Виагру». Пусть убедится, с вашей помощью, что я еще о-го-го!

Едва сдерживая досаду, француз молча сгреб со стола фотографии и сунул их в портфель.

– Постойте, а Женевьеве или, как там ее у вас зовут, вы их показывали? – Сейчас Виталий на двести процентов был уверен, что его подруга – подстава французских спецслужб. И очень уж захотелось ему хоть как-то уесть этих парижских супостатов, а лучшего, хотя весьма рискованного, способа продемонстрировать им, что он расколол их агента, просто не было.

– Я не сомневаюсь, что с вашей помощью она неплохо справилась с разведывательным ликбезом, а вершины секс-мастерства освоила в «Школе проституток» Антверпена? – Виталий сам не ожидал от себя такой лихой и безбашенной борзости. Как часто бывает в стрессовой ситуации, из дальних закоулков памяти вдруг выныривала давно забытая информация, почерпнутая бог весть когда и откуда и, казалось, навсегда похороненная за ненадобностью в пучине подсознания. Вот и сейчас всполохом мелькнуло воспоминание о его давней командировке в Бельгию, когда страну поднял на дыбы гвалт общественного негодования по поводу открытия мадам Гросси шокирующего учебного заведения, куда совершенно официально набирали не только начинающих, но и желающих повысить свой профессионализм до уровня «хай класс» проституток. Это было слишком даже для Бельгии, где законодательно легализованы секс-услуги, но запрещено содержание публичных домов, и школу прикрыли через три месяца.

– Уверен, ваша подстава была бы в Антверпене не только успевающей по всем предметам и очень прилежной ученицей, но и могла бы вести собственный сексуальный мастер-класс. Лучшего агента для вас не найти: сидит барышня в разведывательном гнезде, ковыряется в… в общем, сами знаете где – везде.

«Боже правый, какую хрень я несу? – будто глядя на себя со стороны, подумал Виталий. – Ведь это же о ней, о Женьке!» И тут же ни с того ни с сего вспомнил русскую классику: «Мне ненавидеть вас бы надо, а я безумно вас люблю…»

– Насколько я понимаю, именно эта часть общения с мадам Дюваль вам больше всего и понравилась, – не остался в долгу по плану похабных колкостей и француз. – Что касается Бельгии, то вы неплохо там поработали для своей разведки. Все бы было хорошо, если бы не один досадный прокол.

Тут пришла очередь напрячься Коржавцеву. Действительно, он несколько лет работал в Бельгии. Это была его последняя долгосрочная загранкомандировка. И хотя руководство службы положительно оценило результаты его оперативной деятельности, после возвращения в Центр он принял окончательное решение уйти из разведки.

– Вспомните вашу поездку из Брюсселя в Париж, – продолжал собеседник. – Ничего не приходит на ум?

Да, действительно, всего за несколько недель до окончания командировки и возвращения в Москву резидент отправил Коржавцева в Париж провести конспиративную встречу с французским агентом. Источник был завербован несколько лет назад еще в советские времена, состоял на связи посольской резидентуры российской разведки во Франции и предоставлял кое-какую информацию по военно-техническим вопросам. Виталий не знал нюансов, да ему и не положено было их знать, но по каким-то причинам это разовое мероприятие поручили ему. Поездка прошла без проблем. Часа три гуляя по городу, он не обнаружил за собой слежки, отстояв приличную очередь, купил входной билет и, наконец, поднялся к обусловленному месту встречи на колоннаде Нотр-Дам де Пари, где фланировали и фотографировали Париж с высоты полета Горгулий десятки туристов, затеряться среди которых не составляло никакого труда. Но был в этом обиталище Квазимодо один безлюдный закуток, идеальное место для короткого конспиративного контакта. Здесь Виталий и провел явку с конфидентом: обменявшись паролем, передал ему конверт с деньгами и подарок – изумительной ручной работы шахматы «с секретом», а сам получил «сувенир для одного общего знакомого» – внушительных размеров фотоальбом Лувра 1964 года выпуска в твердом массивном переплете. Вероятно, именно в эту плотную обложку были вставлены тончайшие листы бумаги с секретными материалами, а может быть, развединформация была перенесена на микроточку, вживленную ну хотя бы в зрачок Моны Лизы на репродукции знаменитой картины Леонардо да Винчи, украшавшей фронтиспис альбома. От этого взгляд Моны Лизы ди Антонио Марии ди Нольдо Герардини, третьей жены Франческо дель Джокондо, мог бы стать еще более загадочным и потаенным.

Об этом Коржавцев думал, возвращаясь из Парижа в Брюссель. Сидя в вагоне поезда, он с интересом листал полученный альбом, ничуть не заботясь о том, чтобы хоть как-то спрятать книгу с секретной информацией. В данном случае он исходил из простого правила бывшего шефа ЦРУ Алена Даллеса «Иногда отсутствие конспирации – лучшая конспирация».

И вот эта поездка отозвалась роковым эхом многие годы спустя…

Не без удовольствия и злорадства наблюдая растерянность своего русского визави, собеседник продолжал:

– Тогда вы встретились с одним французом, имя которого… Впрочем, его имя вы, скорее всего, не знаете, ведь для вас это было разовое мероприятие. А вот псевдоним Жискар, вам может быть известен.

«Боже мой, точно Жискар, – вспомнил Коржавцев. – Псевдоним того агента, с которым я встречался в Париже, был Жискар. Но как они это узнали?»

– Вижу, что вспомнили…

– Не знаю я никакого Жискара, – оборвал Виталий собеседника.

– Тогда взгляните сюда.

С этими словами разведчик снова полез в свой портфель и опять вытащил небольшую пачку фотографий, перебрал их и несколько штук положил на стол, другую часть оставил у себя. На сей раз это были черно-белые снимки, сделанные, судя по всему, сотрудником наружной разведки. И снова на них был Коржавцев, а рядом – тот самый агент Жискар. Вот они здороваются, вот о чем-то говорят, вот Виталий получает фотоальбом Лувра, вот передает пакет с деньгами и шахматами, вот они прощаются и расходятся. Но как французы смогли сделать эти фотографии?! Место конспиративной встречи было подобрано идеально, никого, кроме их двоих, в этом углу колоннады не было – за это Виталий мог поручиться, хотя при подготовке к встрече, словно чувствуя недоброе, настаивал на проведении безличной тайниковой операции…

– Это липовый фотомонтаж!

– Ну, не скажите… Нам стоило большого труда сделать эти кадры и остаться незамеченными.

– В ту поездку я не был в соборе Парижской Богоматери, – продолжал идти в глухую несознанку Коржавцев.

– Тогда что вы скажете на это, – и разведчик выложил еще несколько снимков. Это были четкие детальные изображения нескольких пачек валюты достоинством в 20, 50 и 100 франков, шахматной доски и двух – белой и черной – пешек. Бархатные основания обеих фигурок были отогнуты, и из просверленных отверстий торчали скрученные в маленькие тугие трубочки бумажные рулончики, а из тайника в доске выглядывали шифровальные блокноты, почтовые конверты и открытки, листы белой бумаги для тайнописи. На других фотографиях были все те же инструкции, блокноты и другие секретные документы в развернутом виде с четко читаемым текстом на французском языке.

– Вижу деньги, шахматы, какие-то конверты с открытками, а обо всем другом – понятия не имею.

– Это разведзадания вашему агенту, схемы закладки тайников для передачи полученной информации, шифрблокноты для подготовки секретных материалов и почтовые конверты с подставными адресами вашей службы в третьих странах. О деньгах не говорю, видимо, гонорар вашему агенту, – комментировал француз. Коржавцев и без подсказки знал, что это такое, но закон шпионского жанра требовал вести игру до конца.

– При чем тут я?

– Именно вы передали весь этот шпионский набор Жискару.

– Ага, и Мону Лизу из Лувра в 1911 году тоже я украл…

– У вас прекрасное качество для разведчика, хоть и бывшего. Вы до конца защищаете позицию, проигранную во всех отношениях. Но в данный момент мы просто теряем время. Вот взгляните сюда, – и француз протянул две последние фотографии. – На первой – отпечатки ваших пальцев, которые вы случайно оставили на шахматной доске для своего агента. А на второй – тоже ваши отпечатки, снятые нами всего три-четыре месяца назад во время фуршета на выставке вооружений в Ле-Бурже. Если не верите, можете прямо сейчас сравнить их с папиллярным узором на собственных пальцах, они идентичны. И, кстати, формула вашей ДНК у нас тоже есть.

– Ну, тогда клонируйте меня, как овечку Долли, и у вас не будет никаких проблем.

Запираться уже давно было бессмысленно, но Коржавцев делал это из упрямства – ему очень не хотелось так позорно и глупо проигрывать, а еще из принципа, усвоенного с младых ногтей в разведшколе: попался, отрицай все, даже самое очевидное. Но, если уж быть совсем откровенным, он тянул время и лихорадочно искал какой-нибудь выход из сложившейся патовой ситуации с наименьшими для себя потерями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.